

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Кафедра общей философии

Е.С. МАСЛОВ

ПИСЬМЕННЫЕ ЗАДАНИЯ ПО МЕТОДИКЕ
НАПИСАНИЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Учебно-методическое пособие

Казань – 2020

УДК 001.891.3:1(075.8)
ББК 87я73

*Принято на заседании учебно-методической комиссии ИСФНиМК
Протокол № 5 от 28 февраля 2020 года*

Рецензенты:

кандидат философских наук, доцент Авдошин Г.В.
кандидат философских наук, доцент Кондратьев К.В.

Маслов Е.С.

Письменные задания по методике написания научной работы /
Е.С. Маслов. – Казань: Казан. ун-т, 2020. – 109 с.

Настоящее учебно-методическое пособие адресовано студентам бакалавриата, обучающимся по направлению 47.03.01 «Философия», изучающим дисциплину «Методика написания научной работы» («Методика написания курсовой работы»). Пособие направлено на формирование навыков оформления научного текста, выполнения его структурных элементов, а также работы с текстами и получения самостоятельных научных выводов.

Каждое задание содержит возможность распределения по нескольким не повторяющимся вариантам. К заданиям прилагаются теоретические и методические материалы, нужные для их выполнения, и образцы выполнения.

Учебно-методическое пособие может быть эффективно использовано для набора баллов текущего контроля, в том числе для отработки пропущенных занятий и при дистанционном обучении.

© Маслов Е.С., 2020

© Казанский университет, 2020

Содержание

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №1. СОСТАВЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИИ.	5
1.1. ФОРМУЛИРОВКА ЗАДАНИЯ №1	5
1.2. КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ ДОМАШНЕГО ЗАДАНИЯ №1	5
1.3. ПРАВИЛА РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМ КАТАЛОГОМ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО	6
1.4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ	6
1.5. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВ ДЛЯ ПОИСКА В ЭЛЕКТРОННОМ КАТАЛОГЕ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ГРУППЫ	12
ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №2. ЦИТИРОВАНИЕ И СНОСКИ	13
2.1. ФОРМУЛИРОВКА ЗАДАНИЯ №2	13
2.2. ОБРАЗЕЦ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ №2	14
2.3. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ЦИТИРОВАНИЯ И СНОСОК	16
2.4. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КНИГ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ГРУППЫ ..	18
ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №3. ВЫДЕЛЕНИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ. СРАВНЕНИЕ	20
3.1. ФОРМУЛИРОВКА ЗАДАНИЯ №3	20
3.2. ОБРАЗЕЦ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ №3	21
3.3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ТЕКСТА МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ГРУППЫ.....	24
ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №4. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	26
ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №5. СОЕДИНЕНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ УТВЕРЖДЕНИЙ О ЯВЛЕНИИ.....	27
5.1. ФОРМУЛИРОВКА ЗАДАНИЯ №5	27
5.2. ОБРАЗЕЦ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ №5	29
5.3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ТЕКСТА МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ГРУППЫ.....	36
ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ 6. ФОРМУЛИРОВКА ЦЕЛИ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	37
6.1. ФОРМУЛИРОВКА ЗАДАНИЯ №6	37
6.2. ОБРАЗЕЦ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ №6	38

6.3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ГРУППЫ	39
ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №7. ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ, СОДЕРЖАНИЕ И ВВЕДЕНИЕ КУРСОВОЙ РАБОТЫ	41
<i>ОБРАЗЕЦ 1 ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ №7</i>	<i>45</i>
<i>ОБРАЗЕЦ 2 ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ №7</i>	<i>51</i>
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТА К ЗАДАНИЮ №5	57
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТА К ЗАДАНИЮ № 6	103

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №1. СОСТАВЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИИ

1.1. Формулировка задания №1

Найдите в электронном каталоге Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского 5 монографий и 5 статей в научных журналах или сборниках статей, названия которых содержат определённое слово. Как искать в электронном каталоге – см. ниже. Каждый студент выполняет задание, осуществляя поиск по своему слову. Распределение слов – см. ниже.

Найденные названия выстройте в список литературы (сначала монографии, потом статьи). В начале следует указать слово, по которому вы искали работы. Список должен быть оформлен строго в соответствии с требованиями к оформлению библиографии (см. ниже). Журнальные статьи можно искать не только в электронном каталоге библиотеки КФУ, но и на сайте <http://elibrary.ru>

В оформлении библиографической записи нужно выверить по образцам каждый знак препинания: это задание на оформление, за малейшие неточности баллы будут снижаться.

1.2. Критерии оценивания домашнего задания №1

Оценка выставляется в 100-балльной шкале. При подсчёте баллов за семестр эти баллы будут умножены на нужный коэффициент (в зависимости от количества работ за семестр в целом).

Ошибки в оформлении списка литературы – минус 5 баллов за каждую.

Ошибки и опечатки в словах – минус 5 баллов за каждую.

Если допущено отклонение от данного преподавателем образца, но оно вписывается в те варианты оформления, которые допускаются в научной литературе, то баллы могут не снижаться.

1.3. Правила работы с электронным каталогом Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского

Книги и статьи, содержащиеся в библиотеке КФУ (она называется «Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского»), можно выписать на читальный зал или на абонемент. Искать книги можно в бумажном каталоге (5-й этаж библиотеки) либо в электронном каталоге. Электронный каталог находится по адресу:

<http://kpfu.ru/library> → Каталоги → Электронный каталог

На странице электронного каталога в левой части экрана находятся окна, в которых через выпадающее меню можно выбрать ту часть библиографического описания, в которой следует искать: название книги, или автор, или год издания и т. д. В правой части экрана в окошке нужно напечатать то, что вы ищете. Компьютер будет искать точную фразу, так что если наберёте слово не в том падеже – он не найдёт. На случай разных падежей есть такая хитрость: если вместо конечной части слова ставить звёздочку (*), то поиск идёт по всем словам во всех формах, которые начинаются на набранное сочетание букв. Например, если в левом окошке выбрать «Заглавие», а в правом набрать

истор*

то будут найдены работы, названия которых содержат слова «история», «истории», «исторический», «исторического» и т. д.

Чтобы регулировать, среди каких видов публикаций нужно искать, в окне «Материалы» нужно выбрать нужный вариант («Монографии», или «Статьи, доклады», или «Словари» и т. д.).

1.4. Правила оформления библиографии

В библиографии литература располагается обычно в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Книги, в которых автор по правилам оформления библиографии не указывается (например, сборники статей, словари), помещаются в общем алфавитном списке, но уже по названию.

Ниже приведены нормы библиографического оформления различных типов печатных изданий. Это сделано в виде примеров с пояснениями.

Книга одного автора:

Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.

Патнэм Х. Философия сознания / Х. Патнэм; перевод с англ. Макеевой Л. Б., Назаровой О. А., Никифорова А. Л.; предисл. Макеевой Л. Б. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.

Пояснения: автор книги (фамилия, инициалы), название книги, косая черта, снова автор (инициалы, фамилия), точка, тире, название города, в котором была издана книга (принятые сокращения: Москва – М., Санкт-Петербург – СПб., Ленинград – Л.), двоеточие, название издательства, запятая, год издания, точка, тире, количество страниц в книге. Если в самом начале книги указана информация о редакторе, авторе предисловия и/или послесловия, о том, что это перевод с иностранного языка, информация о переводчике (переводчиках) и т. п., то эта информация тоже указывается.

Книга двух или трех авторов:

Белявский И. Г. Проблемы исторической психологии / И. Г. Белявский, В. А. Шкуратов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1982. – 224 с.

Пояснения: в начале указывается только один автор, после косой черты – все авторы.

Статья из сборника статей:

Бестужев-Лада И. В. Эсхатология индуизма: (Футурологический аспект) / И. В. Бестужев-Лада // Индуизм: Традиции и современность: Сб. ст. / Отв. ред. А. Д. Литман, Р. Б. Рыбаков. – М.: Наука, 1985. – С. 5–27.

Блох Э. Принцип надежды / Э. Блох // Утопия и утопическое мышление: Сб. ст. / Составление, предисловие и общая редакция В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 49–78.

Пояснения: автор статьи (фамилия, инициалы), название статьи, косая черта, снова автор (инициалы, фамилия), две косые черты, название сборника статей, двоеточие, тип сборника (сборник статей – Сб. ст., сборник научных трудов – Сб. науч. трудов, тезисы докладов всероссийской научной конференции – Тез. докл. всеросс. науч. конф. и т. п.), косая черта, сведения о редакторе, составителе и т. п. (ответственный редактор – Отв. ред., под редакцией – Под ред. и т. п.), точка, тире, название города, в котором был издан сборник, двоеточие, название издательства, запятая, год издания, точка, тире, какие страницы (с какой по какую) в сборнике занимает данная статья (например, статья начинается на странице 49 и заканчивается на странице 78; общее количество страниц сборника не указывается).

Статья из журнала:

Матвейчев О. А. К дискуссии о происхождении древнегреческой философии в русской и советской философской мысли / О. А. Матвейчев // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 185–199.

Бережной С. Б. Учение о взаимозависимом возникновении в буддийской философии / С. Б. Бережной // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11. – №2. – С. 13–18.

Пояснения: автор статьи (фамилия, инициалы), название статьи, косая черта, снова автор (инициалы, фамилия), две косые черты, название журнала или другого периодического издания, точка, тире, год и номер журнала, какие страницы в журнале занимает данная статья.

Статья двух или трех авторов из журнала:

Борисов Р. В. Региональная идентичность в контексте изучения гражданской идентичности в традиционном обществе: теоретико-концептуальный анализ / Р. В. Борисов, Н. Ш. Акаева // Актуальные проблемы психологического знания. – 2012. – № 3. – С. 13–19.

Диссертация:

Агапов О. Д. Метод интерпретации в историческом познании: Дис. ... канд. филос. наук / О. Д. Агапов. – Казань, 2000. – 128 с.

Автореферат диссертации:

Грушин Б. А. Проблемы методологии исследования общественного мнения / Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Б. А. Грушин. – М., 1966. – 35 с.

Электронный ресурс:

Курашов В. И. Концепция антропологической соразмерности / В. И. Курашов // Антропологическая соразмерность: 2-я Всероссийская научная конференция. Доклады. – Казань, КГТУ, 2010. – С. 5–24. – Текст: электронный. URL: http://www.kstu.ru/article.jsp?id=1815&id_e=17500& (дата обращения 30.04.2019).

Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник РУДН. – Серия «Социология», 2004. – №1. – С. 56–74. URL: <http://elibrary.ru/download/91423470.pdf> (дата обращения 12.03.2019).

Зиммель Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель. – Текст: электронный. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000081/index.shtml> (дата обращения 12.03.2019).

Пояснения: указываются все данные, как в печатном издании, если эти данные есть. Минимум – указание автора и названия работы. Далее слова «Текст: электронный» далее «URL» и электронный адрес в Интернете. «URL» расшифровывается как «Uniform Resource Locator» – «унифицированный указатель ресурса». Далее «Дата обращения» и дата – имеется в виду последняя дата, когда вы проверяли наличие данной работы в Интернете (этот пункт обусловлен изменчивостью содержания Интернета).

Литература на иностранных языках

Ниже приведены варианты оформления, максимально приближенные к российским стандартам, применяемые в курсовой и выпускной квалификационной работе, а также в публикациях в российских научных изданиях.

Монография:

Rorty R. Contingency, Irony and Solidarity / R. Rorty. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 201 p.

Статья в сборнике статей:

Fludernik M. Histories of Narrative Theory (II): From Structuralism to the Present / M. Fludernik // A Companion to Narrative Theory / Edited by James Phelan and Peter J. Rabinowitz. – Malden, MA: Blackwell Publishing, 2005. – P. 36–59.

Статья в научном журнале:

Reisch G. A. Chaos Theory and Narrative / G. A. Reisch // History and Theory. – Vol. 30, №1, 1991. – P. 1–20.

В зарубежных источниках правила оформления отличаются от отечественных стандартов, но не принципиально. Так же указываются автор (фамилия и инициалы, иногда фамилия и имя целиком), название работы, если монография – то город и издательство, а если это статья – то название журнала, год, номер выпуска и интервал страниц. Знаки препинания, способ отображения года и номера выпуска и другие детали подачи информации могут варьироваться. Правила оформления библиографии в зарубежных научных работах варьируются, приведённые ниже варианты – не единственные. При подготовке публикации нужно ориентироваться на требования конкретного научного журнала или издательства.

Монография:

Megill, A. (2007). Historical knowledge, historical error: A contemporary guide to practice. Chicago: University of Chicago Press.

Пояснения: «Megill» – фамилия автора, «А.» – первая буква его имени; «Historical knowledge, historical error: A contemporary guide to practice» –

название монографии; Chicago – город, в котором издана книга, «University of Chicago Press» – издательство, 2007 – год издания.

В варианте, приближенном к отечественным библиографическим нормам, запись выглядела бы так:

Megill A. Historical knowledge, historical error: A contemporary guide to practice. – Chicago: University of Chicago Press, 2007.

Статья в сборнике статей:

Leinhardt, G., & Ravi, A. (2013). Changing Historical Conceptions of History. In S. Vosniadou (Ed.), International handbook of research on conceptual change (2nd ed., pp. 253–268). New York: Routledge.

Пояснения: G. Leinhardt и A. Ravi – авторы статьи; «Changing Historical Conceptions of History» – название статьи; «International handbook of research on conceptual change» – название сборника статей; S. Vosniadou – редактор сборника; «Ed.» – сокращённое «Editor» («Редактор»); «2nd ed.» – сокращённое «Second edition» («Второе издание»); pp. 253–268 – интервал страниц, которые занимает данная статья в сборнике; New York – город, в котором издан сборник; Routledge – издательство, 2013 – год издания.

В варианте, приближенном к отечественным библиографическим нормам, запись выглядела бы так:

Leinhardt G., Ravi A. Changing Historical Conceptions of History // International handbook of research on conceptual change / Edited by S. Vosniado; 2nd ed. – New York: Routledge, 2013. – P. 253–268.

Статья в научном журнале:

Keith Jenkins (2008) Cohen contra Ankersmit, Rethinking History: The Journal of Theory and Practice, 12:4, 537-555.

Пояснения: «Keith» – имя, «Jenkins» – фамилия автора; «Cohen contra Ankersmit» – название статьи («Cohen» и «Ankersmit» – фамилии учёных, рассмотрению идей которых посвящена статья) «Rethinking History: The Journal of Theory and Practice» – название журнала; 2008 – год, 12 – том, 4 – номер журнала; 537-555 – интервал страниц.

В варианте, приближенном к отечественным библиографическим нормам, запись выглядела бы так:

Jenkins K. Cohen contra Ankersmit // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. – 2008. – Vol. 12, №4. – P. 537-555.

При приведении выходных данных публикации в сносках допускается упрощение библиографической записи. Конкретные примеры можно увидеть в научной литературе.

1.5. Распределение слов для поиска в электронном каталоге между студентами группы

Номер варианта	Слово для составления библиографии
1.	идентичность
2.	утопический
3.	массовый
4.	справедливость
5.	детерминизм
6.	античный (или античность)
7.	средневековый (или средневековье)
8.	рациональность
9.	аксиологический (или аксиология)
10.	онтологический (или онтология)
11.	гносеологический (или гносеология)
12.	этика
13.	эстетика
14.	наука
15.	методология
16.	логика
17.	мифология

18.	религия
19.	диалог
20.	антропологический (или антропология)
21.	ценность
22.	культура
23.	эпистемологический (или эпистемология)

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №2. ЦИТИРОВАНИЕ И СНОСКИ

2.1. Формулировка задания №2

В соответствии со списком распределения книг (см. в конце задания) каждый студент группы получает свою книгу для цитирования. Книги можно скачать по приведённым в таблице ссылкам.

Вам нужно создать 5 цитат из доставшейся вам книги по образцу, приведённому ниже (в образце цитируется работа М. Вебера): фрагмент текста плюс цитата на основе этого фрагмента. При этом ни разу не повториться в способе подачи цитаты, включения её в текст (применять разные варианты: «автор пишет», «автор считает», «по мнению автора» и т. д., см. варианты в образце). Не менее половины цитат сделать оборванными, то есть так, чтобы в цитату входило не предложение целиком, а только его часть. Оформить во всех случаях сноски – как в примере с текстом М. Вебера (сноски внизу страницы). Обращайте внимание на знаки препинания.

Вы можете брать цитаты из любой части (частей) книги, которые написаны самим автором книги (то есть нельзя брать цитаты из предисловия, комментариев и т. п., если они написаны другими людьми). При оформлении сноски обратите внимание на то, является ли книга монографией, в которой содержится одна большая работа, или сборником статей одного и того же автора; оформление для них различается – см. правила оформления библиографии в задании 1.

2.2. Образец выполнения задания №2

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.

Фрагмент текста	В настоящее время отношение к научному производству как профессии обусловлено прежде всего тем, что наука вступила в такую стадию специализации, какой не знали прежде, и что это положение сохранится и впредь.
Цитата	М. Вебер связывает отношение к науке в его эпоху с тем, что к тому времени «...наука вступила в такую стадию специализации, какой не знали прежде...» ¹ .

Фрагмент текста	Не только внешне, но и внутренне дело обстоит таким образом, что отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации.
Цитата	По мнению М. Вебера, «...отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации» ² .

Фрагмент текста	Всякий раз, когда исследование вторгается в соседнюю область, как это порой у нас бывает – у социологов такое вторжение происходит постоянно, притом по необходимости, – у исследователя возникает смиренное сознание, что его работа может разве что предложить специалисту полезные постановки
-----------------	--

¹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707.

² Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–708.

	вопроса, которые тому при его специальной точке зрения не так легко придут на ум, но что его собственное исследование неизбежно должно оставаться в высшей степени несовершенным.
Цитата	М. Вебер утверждает: «Всякий раз, когда исследование вторгается в соседнюю область... у исследователя возникает смиренное сознание... что его собственное исследование неизбежно должно оставаться в высшей степени несовершенным» ³ .
Цитата	При «вторжении» исследователя в область научной дисциплины, в которой он не является специалистом, он может там, как считает М. Вебер, «разве что предложить специалисту полезные постановки вопроса, которые тому при его специальной точке зрения не так легко придут на ум» ⁴ .

Фрагмент текста	Действительно, завершённая и дельная работа – в наши дни всегда специальная работа.
Цитата	«...Завершённая и дельная работа – в наши дни всегда специальная работа» ⁵ , – писал М. Вебер в начале XX века.

Фрагмент текста	Однако даже при наличии страсти, какой бы глубокой и подлинной она ни была, ещё долго можно не получать результатов.
Цитата	М. Вебер в произведении «Наука как призвание и профессия» подчёркивает роль увлечённости в научном творчестве, но

³ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 708.

⁴ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 708.

⁵ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 708.

	замечает при этом: «Однако даже при наличии страсти... еще долго можно не получать результатов» ⁶ .
--	--

Фрагмент текста	Сегодня среди молодежи очень распространено представление, что наука стала чем-то вроде арифметической задачи, что она создается в лабораториях или с помощью статистических картотек одним только холодным рассудком, а не всей «душой», так же как «на фабрике».
Цитата	М. Вебер отмечает, что «...среди молодежи очень распространено представление, что наука стала чем-то вроде арифметической задачи...» ⁷ .

2.3. Правила оформления цитирования и сносок

Пример № 1. И.И. Кравченко пишет: «Рациональность политической или иной социальной идеи, политического проекта и соответствующего действия призвана сделать их адекватными действительности и тем самым противостоят их утопическим превращениям»⁸.

Пояснения: сноска располагается внизу страницы. Сноски имеют сквозную или постраничную нумерацию (в первом случае каждая следующая сноска имеет номер, на один больше, чем предыдущая; во втором – это правило действует только в пределах одной страницы, на каждой следующей странице номера сносок опять начинаются с единицы). Сноски могут располагаться и в конце работы, тогда они обязательно имеют сквозную нумерацию. В сноске указывается информация о книге или статье – так же, как в библиографии, только в конце ставится номер страницы, на которой расположен цитируемый фрагмент текста.

⁶ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 709.

⁷ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 709.

⁸ Кравченко И. И. Рациональное и иррациональное в политике / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 1996. – № 3. – С. 7.

Пример № 2. О. Шпенглер указывает на «эффект перспективы» при восприятии исторических событий [15, с. 144-146].

Пояснения: есть и такой вариант оформления сносок: после цитаты в квадратных скобках указывается номер, под которым данная книга или статья стоит в библиографическом списке, и номер страницы.

Пример № 3. Э. Дюркгейм пишет о «творческих», или «новаторских», периодах в истории цивилизаций, когда устремления к идеалу овладевают умами масс: «...в такие моменты эта более высокая жизнь проживается с такой интенсивностью и настолько необычно, что она занимает почти все место в сознаниях... <...> Идеальное тогда стремится слиться в одно целое с реальным...»⁹.

Пояснения: цитата может начинаться не с начала предложения, а с середины: в таком случае после открывающих кавычек перед текстом ставят многоточие. Так же можно оборвать цитату, не дожидаясь конца предложения, тогда многоточие ставится перед закрывающими кавычками. Выпустив одно или несколько предложений из цитаты, ставят знак <...>. Однако цитаты нельзя искажать, в том числе нельзя искажать грамматические формы слов.

Пример № 4. А. В. Гулыга пишет о возможности эстетического восприятия истории¹⁰, о применимости к истории чисто эстетических категорий, таких, как «прекрасное», «возвышенное», «трагическое» и даже «комическое»¹¹.

Пояснения: сноска ставится и тогда, когда нет цитирования, а идея какого-либо автора пересказывается своими словами. Если сноски на одно и то же произведение идут подряд, то во второй и следующих сносках пишется «Там же» и указывается номер страницы (номера страниц), на которых изложены пересказываемые или упоминаемые идеи. Если указываемый источник – лишь один из нескольких, где разбирается анализируемая идея, то в начале

⁹ Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 112.

¹⁰ Гулыга А. В. Эстетика истории / А. В. Гулыга. – М.: Наука, 1974. – С. 47.

¹¹ Там же. С. 49–59.

сноски пишут: «См., например:» и далее информацию о книге и номер страницы.

Пример № 5. По мнению М. Элиаде, древний человек постоянно пытается приобщиться к мифическому, сакральному времени путем повторения ритуалов или значимых действий (вплоть до постройки лодки или рыбной ловли), когда-то совершенных впервые мифическим героем или богом¹².

Пояснения: если вместо цитаты приводится пересказ своими словами, то вначале текста сноски ставят «См.:», что означает «смотри». Если указываемый источник – лишь один из нескольких, где разбирается анализируемая идея, то в начале сноски пишут: «См., например:» и далее информацию о публикации и номере страницы.

2.4. Распределение книг для цитирования между студентами группы

Номер варианта	Название книги	Ссылка, по которой можно скачать книгу в электронном виде
1.	Арендт Х. Vita activa или о деятельной жизни	https://yadi.sk/i/7vLpgWIN3EFiMo
2.	Бауман З. Свобода	https://yadi.sk/i/ZWDoYF--3EFice
3.	Бергсон А. Два источника морали и религии	https://yadi.sk/i/7gDcomkK3EFifr
4.	Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию	https://yadi.sk/i/oRLK8tmA3EFiIX
5.	Гумбольдт В. Язык и философия культуры	https://yadi.sk/i/Zen0lfX43EFise
6.	Дьюи Д. Общество и его проблемы	https://yadi.sk/i/DD1qmAOc3EFiuR
7.	Канетти Э. Масса и власть	https://yadi.sk/i/cG_27Iyf3EFiwY

¹² См.: Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость. – СПб: Алетейя, 1998. – С. 59.

8.	Маркузе Г. Одномерный человек	https://yadi.sk/i/BaEaNBYZ3EFizn
9.	Найдыш В.М. Мифология	https://yadi.sk/i/qeeHAF2s3EFj47
10.	Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс	https://yadi.sk/i/BDF_2Dz-3EFj8V
11.	Подорога В.А. Выражение и смысл	https://yadi.sk/i/yyKda3tN3EFjA9
12.	Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1.	https://yadi.sk/i/2rvVuJRU3EFjCW
13.	Смит Р. История гуманитарных наук	https://yadi.sk/i/xRI1grVg3SiPyJ
14.	Тойнби А. Дж. Постижение истории	https://yadi.sk/i/-CPJcEEU3EFjFb
15.	Турчин А.В., Батин М.А. Футурология	https://yadi.sk/i/gb0IxagB3EFjJ3
16.	Уайтхед А. Избранные работы по философии	https://yadi.sk/i/FipKmDic3EFjLQ
17.	Уайтхед А. Приключения идей	https://yadi.sk/i/VuT5i0sO3EFjMg
18.	Уитроу Дж. Естественная философия времени	https://yadi.sk/i/HEFPjqHo3EFjRQ
19.	Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек	https://yadi.sk/i/IDRp-UiM3SiQ97
20.	Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие	https://yadi.sk/i/ij4qkHFF3EFjT3
21.	Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения	https://yadi.sk/i/rAZmCuNC3EFjV6
22.	Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию	https://yadi.sk/i/oRLK8tmA3EFiiX
23.	Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт	https://yadi.sk/i/ff4Uqp8Q3EFjX2

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №3. ВЫДЕЛЕНИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ. СРАВНЕНИЕ

3.1. Формулировка задания №3

В соответствии со списком распределения понятий и фрагментов текста (см. ниже) каждый студент группы получает свою пару понятий и свой фрагмент произведения для анализа (см. ниже: Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга; сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с. Текст можно скачать по ссылке <https://yadi.sk/i/EZBsEpTh3GkNqv>

В доставшемся вам фрагменте текста надо:

- 1) найти родовое понятие для сравниваемых понятий;
- 2) найти не менее трёх оснований для сравнения и сравнить доставшиеся вам понятия по каждому из этих оснований.

Родовое понятие по отношению к рассматриваемому – понятие, более широкое по значению, чем рассматриваемое, включающее рассматриваемое в качестве разновидности. Например, для понятий «дуб» и «берёза» родовым понятием будет «дерево», для понятий «продолговатая форма» и «округлая форма» родовым понятием будет «форма», для понятий «бег» и «раскачивание» родовым понятием будет «движение». Как правило, для любого понятия можно выявить несколько родовых понятий, так что тут нет единственно правильного варианта (например, для понятий «дуб» и «берёза» это не только «дерево», но и «растение»).

Основание сравнения – это аспект, наличествующий у обоих понятий, по отношению к которому можно выявить сходство или различие между понятиями.

Например, дуб и берёзу можно сравнить по цвету коры; форме листьев; региону произрастания; высоте; способам использования их древесины в промышленности; месте в ботанической классификации; продолжительности жизни; способности быть источником продуктов питания для человека; частоте упоминания в поэзии М. Ю. Лермонтова; отнесению к охраняемым растениям и т. д. Для каждого из оснований сравнения соответствующие свойства сравниваемых объектов будут разнообразными, например, для цвета коры – белый и тёмно-коричневый; для способа использования древесины в промышленности – использование в качестве материала для мебели; для отнесения к охраняемым растениям – является или не является данное дерево охраняемым и т. д.

Вначале надо привести фрагмент (фрагменты) текста, откуда вы берёте необходимую информацию. Это может быть отдельное предложение или более крупные фрагменты, но не больше, чем необходимо для ваших действий по выделению родового понятия и сравнению. Фрагмент можно скопировать из файла с текстом. После этого нужно произвести нахождение родового понятия и сравнение – сначала в форме таблиц (см. образец выполнения задания), а потом в форме собственного текста со сносками, который мог бы быть готовым фрагментом курсовой работы.

Если родовое понятие и основания для сравнения не называются в тексте, сформулируйте их самостоятельно. Однако материал для формулировок нужно брать из книги, а не из собственных познаний о рассматриваемых объектах.

3.2. Образец выполнения задания №3

Сравниваемые понятия: «шпильбрехер» и «плут»

Фрагмент книги

Участник игры, который действует вопреки правилам или обходит их, это нарушитель игры, шпильбрехер. С манерой игры теснейшим образом связано понятие *fair* – играть надо честно. Шпильбрехер, однако, вовсе не то, что плут. Этот последний лишь притворяется, что *играет*. Он делает вид, что признает силу магического круга игры. Сообщество входящих в игру прощает ему его грех гораздо легче, нежели шпильбрехеру, ломающему весь их мир полностью. Отказываясь от игры, он разоблачает относительность и хрупкость того мира игры, в котором он временно находился вместе с другими. В игре он убивает иллюзию, *inlusio*, буквально *в-игрывание*, слово достаточно емкое по своему смыслу. Поэтому он должен быть уничтожен, ибо угрожает самому существованию данного игрового сообщества. Фигура шпильбрехера яснее всего проступает в играх мальчишек. Это маленькое сообщество не задается вопросом, уклоняется ли он от игры из-за того, что ему не велят, или из-за того, что боится. Или, вернее, такое сообщество не признает никаких «не велят» и называет это «боится». Проблема послушания и совести для него, как правило, не выходит за рамки страха перед наказанием. Шпильбрехер разрушает магию их волшебного мира, поэтому он трус и должен быть подвергнут изгнанию. Точно так же и в мире высокой серьезности плуты, жулики, лицемеры всегда чувствуют себя гораздо уютней шпильбрехеров: отступников, еретиков, вольнодумцев, узников совести.

Таблица разновидностей

Родовое понятие	Разновидности
Нарушитель правил игры	1. Шпильбрехер 2. Плут

Таблица сравнения

Основание сравнения	Шпильбрехер	Плут	Сходство или различие
Информирование других участников игры о намерении нарушать правила	Есть	Нет	Различие
Наличие нарушителей этого типа в «серьёзных» занятиях	Есть	Есть	Сходство
Готовность других игроков терпеть этих нарушителей	Меньшая	Большая	Различие

Собственный текст

Й. Хёйзинга разграничивает две разновидности нарушителя правил игры: это шпильбрехер и плут¹³. Шпильбрехер – тот, кто демонстративно не признаёт условных правил мира игры и тем разрушает её. Плут делает вид, что играет по правилам, однако скрытно нарушает их с целью приблизиться к выигрышу.

Различие между шпильбрехером и плутом заключается в информировании других участников игры о своих намерениях нарушать правила игры: шпильбрехер делает это, а плут нет¹⁴. Различие в отношении других

¹³Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга; сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 36.

¹⁴ Там же, с. 37.

участников игры к плуту и шпильбрехеру, по мнению Хёйзинги, выливается в то, что плута терпят охотнее, чем шпильбрехера¹⁵. Сходство между этими двумя типами нарушителей Хёйзинга усматривает в том, что они присутствуют как в детской игре, так и «в мире высокой серьёзности», например, в религии и политике¹⁶.

3.3. Распределение фрагментов текста между студентами группы

Номер фрагмента	Страницы в книге	Сравниваемые понятия
<i>Фрагмент использовался для обучения</i>	С. 36–37	шпильбрехер – плут
1.	С. 36, 82–83, 94–95, 133–135	азартные игры – война
2.	С. 36, 82–83, 94–95, 280–282	азартные игры – наука
3.	С. 36, 82–83, 94–99	азартные игры – пот-латч
4.	С. 82–83	азартные игры – спортивные игры
5.	С. 22–27, 133–135	война – игра
6.	С. 80–87, 133–135	война – спортивное состязание
7.	С. 30–31	высокие формы игры – примитивные формы игры
8.	С. 22–23, 24–26	игры животных – игры людей

¹⁵Там же, с. 36–37.

¹⁶Там же, с. 37.

9.	С. 84–89	материальный результат игрового действия (материальная выгода от победы в игре) – победа в игре сама по себе
10.	С. 280–282	наука – игра
11.	С. 37–38	нахождение в игре – нахождение вне игры
12.	С. 32–33	обыденная жизнь – игра
13.	С. 81–85	одиночная игра (играет один) – совместная игра (два или более человека состязаются друг с другом)
14.	С. 22–27, 286–289	политика – игра
15.	С. 80–87, 286–289	политика – спортивное состязание
16.	С. 34–35	пространство внутри игры – пространство вне игры
17.	С. 34–35	пространство игры – время игры
18.	С. 80–87, 95–99	спортивное состязание – потлатч
19.	С. 80–89, 118–122	спортивное состязание – правосудие

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №4.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задание основано на работе с электронными библиотеками.

Вход в электронные библиотеки, на которые подписан КФУ, возможен с любого компьютера, если настроить VPN-подключение. Инструкция, в которой сказано, как это сделать, расположена по адресу: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1466406027/VPN2.pdf> Настраиваем подключение на домашнем компьютере и входим в электронные библиотеки из дома. Если входим с компьютеров, которые находятся в КФУ (например, в библиотеке КФУ), ничего настраивать не нужно.

Маленькая поправка к инструкции. Чтобы войти в электронные библиотеки с домашнего компьютера, нужно вводить логин и пароль от личного кабинета в системе «Электронный университет». Обратите внимание: перед логином нужно добавить символы stud\ и далее без пробела сам логин. В инструкции об этом не сказано.

Зайдите на главную страницу сайта Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского <https://kpfu.ru/library> Раздел «Сетевые ресурсы» имеет подразделы «Зарубежные сетевые ресурсы» и «Российские сетевые ресурсы». Для полноценной работы в каждом из них необходима регистрация с компьютеров, находящихся на территории КФУ. Например, можно зарегистрироваться на 4-м этаже Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского.

В число российских сетевых ресурсов, на которые подписан КФУ, входят такие, в которых содержится большое количество научных журналов. В частности, это:

- Elibrary;
- East View.

Чтобы попасть туда, надо перейти в раздел «Российские сетевые ресурсы» и далее нажать на название соответствующего ресурса. Через поиск или расширенный поиск найдите статьи по своей теме. Если не получается ничего найти или находится слишком много, меняйте поисковый запрос.

Выберите любые три статьи по вашей теме. Кто еще не договорился точно о формулировке темы, делайте приблизительно по интересующей вас тематической области. В библиотеке Elibrary выбирайте только те статьи, у которых доступен полный текст (зеленый значок возле символа pdf). Скачайте эти статьи или прочитайте их онлайн. Перескажите своими словами по несколько идей из каждой статьи. При этом ставьте ссылки на страницы, на которых изложены соответствующие идеи. Ссылки оформляйте так, как указано в задании №2 (задавалось ранее). Старайтесь пересказывать те идеи, которые ценны для вашей курсовой работы. Объем работы – не менее 1500 знаков (считая пробелы) по каждой статье, всего надо пересказать идеи из трех статей.

К заданию надо приложить файлы самих статей (если их удалось скачать) или ссылки на них с электронными адресами (если вы их читали онлайн).

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №5.

СОЕДИНЕНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ УТВЕРЖДЕНИЙ О ЯВЛЕНИИ

5.1. Формулировка задания №5

В соответствии со списком распределения фрагментов текста и явлений для анализа (см. ниже) каждый студент группы получает свой фрагмент произведения П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» для выполнения задания на его основе и своё явление, о котором говорится в этом фрагменте. Фрагменты текста для выполнения задания находятся в Приложении 1 в конце настоящего учебно-методического пособия.

Часть 1.

Нужно сформулировать не менее 10 утверждений, которые содержатся в той или иной форме в доставшемся вам фрагменте текста. Из них не менее 5 должны быть утверждениями о доставшемся вам явлении. Сначала необходимо привести фрагмент исходного текста, потом сформулированное вами утверждение (или утверждения). Все сформулированные вами утверждения нужно пронумеровать. Если встречаются незнакомые слова, смотрите их

значение в словарях, например на сайте <http://dic.academic.ru>. Значение иноязычных выражений смотрите, например, на сайте <https://translate.google.ru>.

Часть 2.

На основании утверждений, полученных в первой части задания, нужно сформулировать 4 собственных вывода по следующей модели. Сначала вы приводите одно или более уже сформулированных вами утверждений, а потом делаете на основе их сопоставления вывод. Это может быть строгий вывод или предположение (во втором случае это подчёркивается словами «возможно», «можно предположить, что» и т. п.). Вывод нужно изложить, включая аргументацию, то есть утверждения, на которые вы опираетесь, пересказав их своими словами или своими словами с элементами цитирования; затем нужно изложить собственно вывод. Наряду с информацией из текста вы можете опираться на общеизвестные и общепринятые утверждения о рассматриваемых явлениях. При цитировании и пересказе текста своими словами в выводах нужно надлежащим образом оформить сноски (название книги приведено в начале фрагментов, а номера страниц, с которых взяты фрагменты, указаны в тексте). Выводы нужно пронумеровать.

Если у вас не получается сформулировать нужное количество выводов или утверждений на основе вашего фрагмента текста, используйте также другие фрагменты таким образом, чтобы при формулировке выводов одно из исходных утверждений было взято из вашего фрагмента, а другое – из другого. В этом случае исходное утверждение необходимо также отразить в первой части задания.

Для лучшего понимания своего фрагмента желательно прочитать те, которые ему непосредственно предшествуют. Для понимания второй половины фрагментов желательно ознакомиться с содержанием фрагментов 4-9.

5.2. Образец выполнения задания №5

Фрагмент текста

С. 47

По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии. Это становится понятнее на уже приводившихся примерах реальности сновидений или теоретического мышления. Аналогичны «переключения» с мира повседневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры – театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель «возвращается к реальности», вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений.

Все конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с

С. 48

реальности повседневной жизни. Хотя, конечно, переключения внимания случаются и в рамках повседневной жизни, но переключение внимания на конечную область значений – гораздо глубже и основательнее. Происходит радикальное изменение напряженности сознания. В контексте

религиозного опыта его называли просто «скачком». Впрочем, нужно подчеркнуть, что реальность повседневной жизни сохраняет свой верховный статус даже и в случае таких «скачков». Если не что-то иное, то язык убеждает нас в этом. Обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений. Поэтому обычно я «искажаю» реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации, т.е. я «перевожу» неповседневный опыт в высшую реальность повседневной жизни. Это хорошо видно на примере сновидений, а также характерно для тех, кто пытается описать теоретический, эстетический и религиозный миры значений. Физик-теоретик говорит нам, что его концепция пространства невыразима на разговорном языке, так же, как артист говорит то же самое о смысле его произведений, а мистик – о встрече с божественным. Однако все они – сновидец, физик, артист и мистик – живут также и в реальности повседневной жизни. Одной из важнейших проблем для них оказывается то, как интерпретировать сосуществование этой реальности с другими, вкрапленными в нее реальностями.

Часть 1. Формулировка утверждений о явлении

Фрагмент текста	По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия.
Утверждение 1	Конечные области значений отмечены характерными значениями.
Утверждение 2	Конечные области значений отмечены характерными способами восприятия.

Фрагмент текста	Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии.
-----------------	--

Утверждение 3	Конечные области значений – это то, от чего сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии.
------------------	--

Фрагмент текста	Это становится понятнее на уже приводившихся примерах реальности сновидений или теоретического мышления.
Утверждение 4	Конечные области значений включают в себя реальность сновидений.
Утверждение 5	Конечные области значений включают в себя реальность теоретического мышления.

Фрагмент текста	Аналогичны «переключения» с мира повседневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры – театр.
Утверждение 6	Мир игры детей – одна из конечных областей значений.
Утверждение 7	Театр – одна из конечных областей значений.

Фрагмент текста	Эстетический и религиозный опыт богат такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений.
Утверждение 8	Искусство создаёт конечные области значений.
Утверждение 9	Религия создаёт конечные области значений.

Фрагмент текста	Все конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с реальности повседневной жизни.
--------------------	--

Утверждение 10	Конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с реальности повседневной жизни.
-------------------	--

Фрагмент текста	Хотя, конечно, переключения внимания случаются и в рамках повседневной жизни, но переключение внимания на конечную область значений гораздо глубже и основательнее. Происходит радикальное изменение напряженности сознания.
--------------------	--

Утверждение 10	Конечные области значений – это то, переключение внимания на что является более глубоким и основательным, чем переключение внимания в рамках повседневной жизни.
-------------------	--

Утверждение 11	Конечные области значений – это то, при переключении внимания на что происходит радикальное изменение напряженности сознания.
-------------------	---

Фрагмент текста	Обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений.
--------------------	---

Утверждение 12	Обычный язык укоренён в реальности повседневной жизни.
-------------------	--

Фрагмент текста	Поэтому обычно я «искажаю» реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации, т.е. я «перевожу» неповседневный опыт в высшую реальность повседневной жизни. Это хорошо видно на примере сновидений, а также характерно для тех, кто пытается описать теоретический, эстетический и религиозный миры значений. Физик-теоретик говорит нам, что его концепция
--------------------	---

	<p>пространства невыразима на разговорном языке, так же, как артист говорит то же самое о смысле его произведений, а мистик о встрече с божественным. Однако все они сновидец, физик, артист и мистик живут также и в реальности повседневной жизни. Одной из важнейших проблем для них оказывается то, как интерпретировать сосуществование этой реальности с другими, вкрапленными в нее реальностями.</p>
Утверждение 13	<p>Конечные области значений – это реальности, опыт которых искажается при использовании языка для их интерпретации.</p>
Утверждение 14	<p>Конечные области значений – это в том числе теоретическая физика.</p>
Утверждение 15	<p>Конечные области значений – это в том числе религиозный мистический опыт.</p>
Утверждение 16	<p>Конечные области значений – это в том числе творчество артиста.</p>
Утверждение 17	<p>Конечные области значений – это то, что сосуществует с реальностью повседневной жизни.</p>
Утверждение 18	<p>Конечные области значений – это реальности, интерпретация сосуществования которых с реальностью повседневной жизни является проблемой.</p>

Часть 2. Формулировка выводов

Утверждение 14	<p>Конечные области значений – это в том числе теоретическая физика.</p>
Утверждение 4	<p>Конечные области значений включают в себя реальность сновидений.</p>

Утверждение 6	Конечные области значений включают в себя мир игры детей.
Общеизвестное и общепринятое утверждение, взятое не из текста	Занятия теоретической физикой требует долгой подготовки (обучения), сны и детские игры – нет.
Вывод 1	П. Бергер и Т. Лукман относят к числу конечных областей сознания, в частности, теоретическую физику, сновидения и детские игры ¹⁷ . Некоторые из них, например, теоретическая физика, требуют для своего освоения специальной подготовки (обучения). Другие, например, сновидения этого не требуют. Детские игры если и требуют подготовки, то небольшой (надо знать правила игры). Следовательно, разные конечные области значений неодинаково доступны для проникновения в них.

Утверждение 13	Конечные области значений – это реальности, опыт которых искажается при использовании языка для их интерпретации.
Утверждение 7	Конечные области значений включают в себя мир театра.
Вывод 2	П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что опыт конечных областей значения может быть интерпретирован посредством языка, но при такой интерпретации этот опыт искажается ¹⁸ . При этом в числе конечных областей значений эти же

¹⁷ Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Academia-Центр – Медиум, 1995. – С. 47–48.

¹⁸ Там же. С. 48.

	авторы называют театр ¹⁹ . Получается, что интерпретация мира театра возможна с помощью языка, но при такой интерпретации реальность театра искажается.
--	--

Утверждение 12	Обычный язык укоренён в реальности повседневной жизни.
Утверждение 3	Конечные области значений – это то, от чего сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии.
Вывод 3	Обычный язык укоренён, как пишут П. Бергер и Т. Лукман, в реальности повседневной жизни ²⁰ ; при этом, по их мнению, сознание всегда возвращается к повседневной реальности «как из экскурсии» ²¹ . Можно предположить, что язык приспособлен прежде всего к обслуживанию опыта, получаемого в повседневной реальности, именно потому, что она является основной для существования человека.

Утверждение 13	Конечные области значений – это реальности, опыт которых искажается при использовании языка для их интерпретации.
Утверждение 2	Конечные области значений отмечены характерными способами восприятия.
Вывод 4	Как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, опыт конечных областей значений искажается при использовании языка для их интерпретации ²² . В другом месте они пишут, что конечные области значений отмечены «характерными... способами восприятия» ²³ . Возможно, сложности с

¹⁹ Там же. С. 47.

²⁰ Там же. С. 48.

²¹ Там же. С. 47.

²² Там же. С. 48.

²³ Там же. С. 47.

	интерпретацией конечных областей значений связаны с наличием в них особых способов восприятия.
--	--

5.3. Распределение фрагментов текста между студентами группы

Номер варианта	Номер фрагмента для анализа	Явление, утверждения о котором нужно формулировать
<i>Фрагмент использовался на занятии</i>	1	реальность повседневной жизни (= повседневная жизнь)
<i>Фрагмент использовался на занятии</i>	2	конечные области значений
1.	4	типизация
2.	13+19	социальное распределение знания
3.	14+15	хабитуализация (= опривычивание)
4.	15+16+17	институт
5.	18	седиментация (=осаждение)
6.	19	роль (роли)
7.	15+16+19	типизация
8.	12+19	релевантность (релевантный)
9.	3	ситуация лицом-к-лицу (= взаимодействие лицом-к-лицу)
10.	3+5+7	субъективность
11.	4	ситуация лицом-к-лицу (= взаимодействие лицом-к-лицу)
12.	10+11+13	социальный запас знания (= знание)
13.	8+9+10	язык
14.	5+6	объективация

15.	6+7+8	знак
16.	5+8+9	ситуация лицом-к-лицу (= взаимодействие лицом-к-лицу)
17.	19	институт
18.	9+11	типизация
19.	10+11+13	социальный запас знания (= знание)
20.	14+15	хабитуализация (= опривычивание)
21.	19	институт
22.	3+5+7	субъективность
23.	19	роль (роли)

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ 6.

ФОРМУЛИРОВКА ЦЕЛИ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

6.1. Формулировка задания №6

На материале фрагментов из произведения К. Ясперса «Истоки истории и её цель» необходимо составить 3 исследовательские цели и к каждой из них – по 3 исследовательские задачи. Как если бы перед вами стояла задача исследовать произведение Ясперса. Фрагменты находятся в Приложении 1 к настоящему учебно-методическому пособию.

Цели нужно сформулировать в соответствии с тематической областью, которая вам досталась. Распределение тематических областей по студентам указано ниже в таблице. Цель может быть связана с указанной тематической областью в большей или меньшей степени, в том числе на уровне отдельной задачи.

Перед формулировкой целей и задач необходимо привести все фразы из текста, в которых, на ваш взгляд, содержится материал по доставшейся вам тематической области. При этом нужно указывать номера фрагментов, из которых взяты фразы, а сами фразы надо заключать в кавычки.

После формулировки каждой задачи необходимо указать номера фрагментов текста (в прикрепленном файле они пронумерованы), в которых содержится материал для решения поставленной задачи.

Не забывайте подписывать работы и писать заголовки.

6.2. Образец выполнения задания №6

Тематическая область: процессы, в ходе которых сначала произошло некоторое изменение, а потом – возвращение к прежнему состоянию (полное или частичное).

Из фрагмента 2:

«Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания».

Из фрагмента 6:

«То, что вначале было в этом движении свободой, стало в конечном итоге анархией. И когда эта эпоха лишилась творческого начала, в трех областях культуры было произведено фиксирование концептуальных воззрений и их нивелирование. Из беспорядка, ставшего невыносимым, возникло тяготение к новому единению в деле воссоздания прочных условий жизни».

Цель 1. Определить тенденции, доминировавшие в осевое время, с точки зрения К. Ясперса, в области восприятия людьми мифа.

Задачи:

- дать общую характеристику росту рационализации и рефлексии, определявшему, по мнению К. Ясперса, облик духовных процессов в осевое время (*фрагменты 1-3*);

- описать влияние возраставшей рационализации на религиозно-мифологические взгляды людей осевого времени (*фрагменты 2-3*);

- проанализировать причины сохранения и возвращения влияния мифологического сознания в осевое и послеосевое время по К. Ясперсу (*фрагмент 2*).

Цель 2. Выявить случаи возвращения культур послеосевого времени к тенденциям, господствовавшим до осевого времени, и определить причины этого возвращения, в соответствии с взглядами К. Ясперса.

Задачи:

- описать случаи возвращения культур послеосевого времени к политическим формам, господствовавшим до осевого времени (*фрагменты 6, 7, 8*);

- охарактеризовать случаи возвращения культур послеосевого времени к формам религиозно-мифологического сознания, господствовавшим до осевого времени (*фрагмент 2*);

- выявить причины возвращения культур послеосевого времени к тенденциям, существовавшим до осевого времени (*фрагменты 2, 6, 8*).

Цель 3. Охарактеризовать понимание К. Ясперсом причин возникновения сильных империй на завершающей стадии осевого времени.

Задачи:

- описать политические формы, наиболее характерные, по мнению К. Ясперса, для расцвета осевого времени (*фрагмент 4*);

- охарактеризовать понимание К. Ясперсом процессов возрастания свободы в осевое время, включая негативные аспекты этих процессов (*фрагмент 6*);

- определить соотношение империй, существовавших до и после осевого времени, как его интерпретирует К. Ясперс (*фрагмент 7*).

6.3. Распределение тематических областей между студентами группы

Номер варианта	Тематическая область
----------------	----------------------

<i>Тематическая область использована в образце выполнения задания</i>	Процессы, в ходе которых сначала произошло некоторое изменение, а потом – возвращение к прежнему состоянию (полное или частичное)
1.	Рефлексия, самосознание
2.	Гибель, исчезновение, поглощение культур, государств, народов
3.	Восприятие людьми прошедших (по отношению к времени, в котором они живут) исторических эпох
4.	Восприятие людьми той эпохи, в которую они живут
5.	Какие-либо представления людей о том, что будет в будущем
6.	Крупное, сильное государство, империя
7.	Сходства между интеллектуалами разных культур осевого времени
8.	Переход с позиций традиции, иррационального, бессознательного к рациональности
9.	Беспокойство, страх, ужас перед чем-либо
10.	Процессы и тенденции в политической сфере в осевое время
11.	Явления, возникшие в осевое время и являющиеся основой существования более поздних культур, в том числе современной западной культуры
12.	Процессы, протекавшие после осевого времени и при этом связанные так или иначе с тем, что происходило в осевое время

13.	То, что культуры осевого времени и более поздних эпох заимствуют (пусть даже перерабатывая) у культур, существовавших до осевого времени
14.	Процессы и изменения в религиозной сфере
15.	Неудачи и незавершённость какого-либо рода (в том числе частичная) тех изменений, которые протекали в осевое время
16.	Соотношение неизменности и изменения, в том числе ситуация, когда что-то в один период не изменялось или изменялось очень медленно, а в другой – заметно изменялось.
17.	Отношение людей к чему-либо с почитанием, уважением, преклонением
18.	Процессы в культуре осевого времени, связанные с духовным напряжением
19.	История философии, философских концепций, философских течений
20.	Взаимодействие точек зрения
21.	То, что было осознано, стало предметом размышлений и поисков в осевое время
22.	География процессов, о которых пишет Ясперс
23.	Повторение того, что уже имело место когда-то ранее

ПИСЬМЕННОЕ ЗАДАНИЕ №7.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ, СОДЕРЖАНИЕ И ВВЕДЕНИЕ КУРСОВОЙ РАБОТЫ

По теме своей курсовой работы нужно выполнить предварительный вариант титульного листа, содержания и введения.

К заданию прилагается два образца его выполнения. Первый – по историко-философской теме, второй – по теоретико-философской теме.

На титульном листе указываются название министерства, университета, института, выпускающей кафедры, направление подготовки, профиль (эти части у всех одинаковые, их можно просто скопировать из образца), фамилия и имя студента, номер его группы и курс, фамилия и инициалы научного руководителя, а также его учёная степень (кандидат философских наук, доктор философских наук) и должность (ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор).

Вторая страница – содержание. Здесь указываются названия частей курсовой работы: введение, названия глав и параграфов или разделов, заключение, библиография. Напротив названия каждой части указывается номер страницы в работе, на которой начинается соответствующая часть. Так как курсовая работа ещё не написана, названия частей и тем более номера страниц приводятся предварительные, предполагаемые, потом их можно будет изменить. Важно показать, что вы поняли принцип деления работы на главы и параграфы, принципы формулировки названий параграфов. В прилагаемых образцах выполнения задания даны два варианта деления работы: в образце №1 – на разделы, в образце №2 – на главы и параграфы. Вы можете выбрать тот вариант, который вам больше нравится. Ориентируйтесь на объём курсовой работы (для первого курса) не менее 20 страниц, включая все части работы.

Далее нужно написать введение со всеми его элементами. Если работа над курсовой ещё только началась, понятно, что текст введения пишется предварительный. Главное – сформулировать все пункты введения по тем правилам, по которым их нужно формулировать.

Во введении должны присутствовать следующие части:

Актуальность исследования. Здесь надо написать, почему, на ваш взгляд, имеет смысл исследовать данную проблематику, чем выводы в этой области могут быть интересны и полезны в каком-либо отношении.

Постановка проблемы. В этом пункте нужно сформулировать те вопросы, на которые вы планируете искать ответы в вашей курсовой работе. Можно показать структуру проблемы, взаимосвязь нескольких относящихся к ней вопросов.

Степень разработанности проблемы. Здесь нужно назвать не менее 5 работ (из них не менее 2 – монографии) по теме вашей работы, на которые вы планируете опираться при написании работы. Желательно указать также, какие аспекты рассматриваемой вами проблемы или какие проблемы, близкие к вашей теме, затрагиваются в каждой из этих работ. Обзор делается в общих чертах, содержание работ не пересказывается, лишь упоминается тематика. При упоминании работы нужно оформлять подстрочную ссылку на неё (с указанием общего количества страниц). Работы на иностранных языках приветствуются, хотя и не обязательны. Можно также попытаться разграничить используемую литературу на какие-то группы в соответствии с рассматриваемой в ней проблематикой. Предполагается, что в самой курсовой работе этот раздел, как и некоторые другие, будет выполнен более объёмно.

Объект исследования – фрагмент реальности, который вы исследуете в вашей работе.

Предмет исследования – тот аспект (свойство, часть) объекта исследования, который вы изучаете в вашей работе.

Цель исследования формулируется одна, а задач к ней – несколько. Задачи должны соответствовать параграфам (разделам) курсовой работы, указанным в листе «Содержание»: по одной на каждый параграф (раздел).

Методы исследования. Некоторые методы мы уже рассматривали на занятии, какие-то будем рассматривать на оставшихся занятиях. Нужно попытаться назвать хотя бы два-три метода или методологических принципа.

Структура работы. Очень кратко излагается основная проблематика каждой главы, параграфа (раздела).

Работу нужно выполнить с полями: слева 3 см, сверху и снизу 2 см, справа 1,5 см. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, интервал 1,5

строки, выравнивание по ширине. При таком формате объём введения (не считая титульного листа и листа «Содержание») должен составлять не менее полных двух страниц.

Кроме того, нужно быть готовым выступить с докладом по написанному введению (как минимум зачитать его).

Министерство высшего образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
Кафедра социальной философии

Направление подготовки: 47.03.01 – Философия
Социально-аксиологический профиль

КУРСОВАЯ РАБОТА
Методологические принципы
философии истории Хейдена Уайта

Студент I курса

Группа 13.1-800

«___» _____ г.

(И. Иванов)

Научный руководитель

кандидат философских наук, доцент

«___» _____ г.

(П.П. Петров)

Казань – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. «Лингвистический поворот» в философии истории XX века	6
2. Стадии формирования исторического повествования по Х. Уайту	10
3. Х. Уайт о соотношении типа сюжета, типа описания и типа идеологии	13
4. Анализ конкретных исторических и философско-исторических трудов в книге Х. Уайта «Метаистория»	18
Заключение	23
Библиография	25

Актуальность исследования. Хейден Уайт является одной из ключевых фигур так называемого «лингвистического поворота» в философии истории второй половины XX века. Он одним из первых обратил внимание на то, какими путями текстовая форма повествования влияет на результат исторического исследования, на то, какой предстаёт перед нами история. Этот мыслитель создал свою концепцию на стыке философии, филологии и истории, обозначив тем самым новые для науки его времени междисциплинарные связи. Влияние Х. Уайта на последующее развитие методологии исторической науки и философии истории очень велико.

В своих трудах Х. Уайт по-новому обращается к старинной философской проблеме: как соотносятся реальность и мысль о ней, мир «сам по себе» и образ мира, складывающийся в сознании человека. Значение методологии данного теоретика не ограничивается историческими сочинениями. Подход Уайта позволяет исследовать роль лингвистических, тропологических, эстетических аспектов любого повествования, которое претендует на создание целостной картины в какой-либо области жизни. Влияние этих аспектов остаётся неявным, незаметным для тех, кто средствами языка и определённых жанровых форм рассуждает о том или ином вопросе, тем более важным оказывается выявление данного влияния. Таким образом, актуальность обращения к концепции Х. Уайта обусловлена значимостью для жизни человека и общества тех факторов познания, которые исследует этот мыслитель.

Постановка проблемы. Х. Уайт не просто утверждает что-то об истории или её изучении. Он является автором методологии, которая может быть применена любым желающим к анализу исторических сочинений. Вместе с тем у этой методологии есть теоретические основания, без которой она не возникла бы и не может быть адекватно понята. Какие теоретические установки позволяют Х. Уайту анализировать историю так, как он это делает? Каковы методологические принципы, которые он реализует при анализе конкретных исторических сочинений? Какие элементы этой методологии можно

выделить и рассмотреть изолированно друг от друга? Ответам на эти вопросы посвящена наша работа.

Степень разработанности проблемы. Количество исследований, в которых обсуждаются идеи Х. Уайта, в англоязычной литературе достаточно велико. Так, журнал «History and theory» на протяжении ряда десятилетий публиковал статьи, выполненные в методологической традиции, основанной Уайтом, либо, наоборот, полемизирующие с его подходом²⁴. Идеи Х. Уайта комментируются в книгах таких его последователей, как Ф. Анкерсмит и Э. Доманска, чьи труды переведены на русский язык²⁵. Из работ российских авторов можно назвать монографию М.А. Кукарцевой «Современная философия истории США», где даётся общая характеристика концепции Уайта в ряду других зарубежных философско-исторических концепций второй половины XX века²⁶; книгу Н.Д. Потаповой «Лингвистический поворот в историографии», в которой рассматривается вклад Уайта в развитие методологии исторического исследования²⁷. В.В. Агафонов исследует литературно-лингвистические²⁸ и гносеологические аспекты концепции Х. Уайта²⁹. В.М. Бухараев и Г.П. Мягков рассматривают концепцию Х. Уайта в историко-философском, культурологическом и идеологическом аспектах³⁰.

²⁴ Kellner H. Narrativity in history: post-structuralism and since / H. Kellner // History and theory. – Vol. 26, No. 4, Beiheft 26: The representation of historical events (Dec., 1987). – P. 1-29; Lorenz C. Historical knowledge and historical reality: a plea for «internal realism» / C. Lorenz // History and theory. – Vol. 33, No. 3 (Oct., 1994). – P. 297-327 и др.

²⁵ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф. Анкерсмит. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.; Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.

²⁶ Кукарцева М.А. Современная философия истории США / М.А. Кукарцева. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. – 215 с.

²⁷ Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии Н.Д. Потапова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 380 с.

²⁸ Агафонов В.В. Эпистемология истории Х. Уайта: тропологический подход / В.В. Агафонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2008. – № 2. – С. 24-31.

²⁹ Агафонов В.В. Нарративизм как специальный вариант инструментализма в историческом познании / В.В. Агафонов // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2010. – № 11. – С. 83-93.

³⁰ Бухараев В.М. Тропологическая стратегия Хейдена Уайта в ситуации позднего постмодернизма: возможности и пределы / В.М. Бухараев, Г.П. Мягков // Ученые записки

При исследовании концепции Х. Уайта мы опираемся на его ключевую работу «Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века»³¹.

Объект исследования: философско-историческая концепция Хейдена Уайта.

Предмет исследования: методологические принципы философско-исторической концепции Х. Уайта.

Цель исследования: дать развёрнутую характеристику методологическим принципам философии истории Х. Уайта.

Задачи исследования:

– охарактеризовать «лингвистический поворот» как этап развития философии истории и указать место концепции Х. Уайта в нём;

– описать процесс формирования исторического повествования, включая его элементы, стадии, закономерности, согласно концепции Х. Уайта;

– определить связь между такими аспектами исторического повествования, как тип сюжета, тип описания и тип идеологии, в их понимании Х. Уайтом;

– продемонстрировать методологические принципы Х. Уайта на примерах его собственного анализа конкретных исторических и философско-исторических текстов.

Методы исследования. В работе используются прежде всего историко-философский анализ и структурный анализ.

Структура работы. Курсовая работа состоит из введения, основной части, заключения и библиографии. Основная часть состоит из четырёх разделов. В первом разделе рассматривается феномен «лингвистического поворота» в философии истории. Второй раздел посвящен основным теоретическим принципам подхода Х. Уайта к стадиям, уровням, элементам

Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – № 5. – С. 33-43.

³¹ Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

исторического текста. В третьем разделе исследуются такие выделяемые американским философом аспекты исторического текста, как тип сюжета, тип описания и тип идеологии, а также прослеживаются соотношение этих аспектов друг с другом. Четвёртый раздел представляет собой разбор примеров применения самим Уайтом его методологии к произведениям выдающихся историков и философов истории XIX века.

Министерство высшего образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
Кафедра социальной философии

Направление подготовки 47.03.01 – Философия
Социально-аксиологический профиль

КУРСОВАЯ РАБОТА

Критерии значимости события как элемента повествования

Студент I курса

Группа 13.1-800

«___» _____ г.

(М. Михайлова)

Научный руководитель

доктор философских наук, профессор

«___» _____ г.

(А.А. Семенова)

Казань – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Критерии значимости исторического события в философии истории	7
1.1. Ценностные основания исторического познания и их роль в выделении события	7
1.2. Соотнесение события с научной теорией как источник его значимости	11
1.3. Проблема ситуативности критериев значимости исторического события	14
Глава 2. Критерии значимости события в теории нарратива	18
2.1. Связь значимости события и семантической структуры нарратива	18
2.2. Интрига, коллизия, сюжет и их значение для значимости события в нарративе	25
2.3. Критерии значимости исторического события в свете теории нарратива	30
Заключение	35
Библиография	38

Актуальность исследования

Критерии значимости события осознанно, а чаще неявно заложены в сознании любого, кто рассказывает какую-либо историю. О чём говорить, а о чём нет? Что вынести в своём рассказе на первый план? При составлении повествования об истории какого-либо государства разное понимание этих критериев приводит к отличающимся версиям исторического процесса. Очевидно, что этот вопрос достаточно важен, так как от него, по существу, зависит результат исторического познания, то, какой перед нами предстанет история. Критерии значимости события имеют идеологическое значение, они могут стать одним из механизмов целенаправленного влияния на умы людей. В исторических науках эта проблема становится методологической. Всё это обуславливает актуальность темы настоящего исследования.

В художественной литературе события тоже не равнозначны, писатель выделяет одни из них и едва упоминает другие. Факторы, влияющие на значимость события, в данном случае находятся в области интересов литературоведения и эстетики. Вместе с тем они связаны и с пониманием критериев отбора материала в невымышленных нарративах – исторических, политических, религиозных, бытовых и пр., так как в обоих случаях играют заметную роль законы функционирования нарратива. Критерии значимости события в исторических текстах, с одной стороны, и в художественной литературе, с другой, как правило, рассматриваются порознь и даже соотносятся с различными научными дисциплинами. Объединение этих направлений исследования в рамках одной работы позволяет лучше понять и то, и другое, а также выделить некоторые общие принципы, лежащие в основе нарративов различных типов.

Постановка проблемы

Критерии значимости события существуют в неявной форме всегда, когда мы рассуждаем об истории, хотя чаще всего мы не осознаём, что именно заставляет нас признавать важность того или иного события. Таким образом, перед исследователем стоит вопрос: каковы эти используемые, но

не осознаваемые нами критерии? Едины они или отличаются для разных рассказчиков? Что делает событие историческим? Эти вопросы меняют свой облик, когда мы доходим до профессионального исторического исследования, так как там критерии отбора материала по принципу его значимости становятся предметом рефлексии. Здесь вопрос звучит так: каковы критерии значимости событий в исторической науке? При изучении художественной литературы мы имеем дело с третьей группой вопросов: каковы критерии событийности в искусстве? При каких условиях нечто становится событием в художественной системе конкретного произведения? Все названные вопросы можно объединить в один: какие критерии лежат в основе отбора событий в качестве значимых при построении нарратива?

Степень разработанности проблемы

Проблема критериев значимости исторического события рассматривалась такими философами, как Г. Риккерт³², Б. Кроче³³, А. Данто³⁴, из отечественных авторов можно назвать А.В. Гулыгу³⁵. Г. Риккерт обращается к этой проблеме в рамках своей попытки выявить общие черты гуманитарных наук, А. Данто – в контексте исследования логической природы исторического нарратива. К указанной проблеме обращались и профессиональные историки, например, М. Стэнфорд³⁶.

Проблема значимости события в художественном нарративе изучалась в работах выдающегося отечественного филолога Ю.М. Лотмана. Лотман ставит вопрос о том, чем, собственно, является событие как элемент повествования, а также чем событийность отличается от простой констатации

³² Риккерт Г. Науки о природе и науки о духе / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

³³ Кроче Б. Теория и история историографии / Б. Кроче. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 191 с.

³⁴ Данто А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 290 с.

³⁵ Гулыга А.В. Эстетика истории / А.В. Гулыга. – М.: Наука, 1974. – 128 с.

³⁶ Stanford M. A Companion to the study of history / M. Stanford. – Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA : Blackwell Publishing Ltd, 1994. – 309 p.

произошедшего изменения³⁷. Продолжает эту линию исследования современный российский нарратолог В.И. Тюпа³⁸.

Стоит отметить, что на настоящий момент критерии значимости события в исторических и художественных повествованиях обычно не исследуются вместе, что придаёт новизну настоящему исследованию.

Объект исследования: вымышленные (художественные) и невымышленные (прежде всего исторические) нарративы.

Предмет исследования: критерии значимости события как элемента нарратива.

Цель исследования: выявить критерии значимости события как элемента нарратива.

Задачи исследования:

- определить связь критериев значимости исторического события с ценностными основаниями исторического познания;
- определить связь критериев значимости исторического события с его местом в научной теории;
- исследовать критерии значимости исторического события в аспекте их ситуативности;
- проанализировать связь критериев значимости события с семантической структурой нарратива;
- исследовать роль различных элементов нарратива в придании значимости событию как элементу нарратива;
- рассмотреть критерии значимости исторического события в свете положений теории нарратива.

Методы исследования. В работе применяются такие методы как сравнение, историко-философский анализ, структурный и структурно-

³⁷ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2005. – 704 с. – С. 13–285.

³⁸ Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) / В.И. Тюпа. – Тверь, 2001. – 58 с.

функциональный анализ. Используются элементы методологии аналитической философии, неокантианства и структурализма.

Структура работы

Курсовая работа состоит из введения, основной части, заключения и библиографии. Основная часть состоит из двух глав, в каждой из которых – по три параграфа. В первой главе рассматриваются критерии значимости события в историческом познании. Исследуются значение ценностного мышления для данной проблемы, в первую очередь с опорой на концепцию Г. Риккерта (параграф 1.1), соотношение значимости события и теории, в первую очередь с опорой на А. Данто (параграф 1.2), проблема ситуативности этих критериев (параграф 1.3). Во второй главе для решения проблемы критериев значимости события привлекаются материалы теории нарратива: концепции Ю.М. Лотмана, В.И. Тюпы, П. Рикёра и др. Событие рассматривается как элемент семантической системы произведения (параграф 2.1), как элемент структуры сюжета (параграф 2.1). В последнем параграфе второй главы критерии значимости исторического события, выявленные в первой главе, анализируются сквозь призму положений теории нарратива, разобранных в параграфах 2.1 и 2.2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТА К ЗАДАНИЮ №5

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.

Трактат по социологии знания (фрагменты)

(Фрагменты взяты из книги: Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Academia-Центр – Медиум, 1995. – 323 с.)

ФРАГМЕНТ 1

С. 40

Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*³⁹. Это – реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью. Напряженность

С. 41

сознания наиболее высока в повседневной жизни, т.е. последняя накладывается на сознание наиболее сильно, настоятельно и глубоко. Невозможно не заметить и трудно ослабить ее властное присутствие. Следовательно, она вынуждает меня быть к ней предельно внимательным. Я воспринимаю повседневную жизнь в состоянии бодрствования. Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается мной как нормальное и самоочевидное, то есть составляет мою естественную установку. <...>

С. 42

³⁹ *Par excellence* – по преимуществу, в высшей степени (фр.) (Здесь и далее – примечания составителя учебно-методического пособия).

Реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь-и-сейчас» – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни. В том, как это «здесь-и-сейчас» дано мне в повседневной жизни, заключается *realissimum*⁴⁰ моего сознания. Реальность повседневной жизни, однако, не исчерпывается этим непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны «здесь-и-сейчас». Это означает, что я воспринимаю повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Ближайшей ко мне является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна моей физической манипуляции. Эта зона включает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором я работаю. В этом мире труда мое сознание руководствуется прагматическим⁴¹ мотивом, т.е. мое внимание к этому миру определяется главным образом тем, что я делаю, делал или собираюсь делать в нем. Так что это мой мир *par excellence*. Конечно, я знаю, что реальность повседневной жизни содержит и другие зоны, не столь доступные моему пониманию. Но либо у меня нет прагматического интереса в этих зонах, либо мой интерес не является непосредственным, поскольку потенциально они могут быть для меня зонами манипуляции. Обычно мой интерес в этих отдаленных зонах

С. 43

менее интенсивен и, конечно, не столь настоятелен. Я очень заинтересован в ряде объектов, вовлеченных в мою повседневную работу, – скажем, в мире гаража, если я механик. Меня интересует, хотя и непрямо, то, что происходит в научно-исследовательских лабораториях автомобильной промышленности Детройта. Маловероятно, что когда-нибудь мне доведется побывать в одной из таких лабораторий, но работа, сделанная там, в конечном

⁴⁰ *Realissimum* – реальнейшее (лат.).

⁴¹ Прагматический – нацеленный на достижение практических результатов, пользы.

счете будет влиять на мою повседневную жизнь. Меня может интересовать, что происходит на мысе Кеннеди или где-то еще, но это интерес – частное дело, скорее выбор досуга, чем настоятельная необходимость повседневной жизни.

Реальность повседневной жизни представляется мне как intersubъективный⁴² мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря intersubъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мной реальностей. Я один в мире снов, но я знаю, что мир повседневной жизни столь же реален для других, как и для меня. Действительно, в повседневной жизни я не могу существовать без постоянного взаимодействия и общения с другими людьми. Я знаю, что моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей, что они тоже понимают объективации, с помощью которых этот мир упорядочен, и в свою очередь также организуют этот мир вокруг «здесь-и-сейчас», их бытия, и имеют свои проекты действий в нем. Конечно, я знаю и то, что у других людей есть своя перспектива на наш общий мир, не тождественная

С. 44

моей. Мое «здесь» – это их «там». Мое «сейчас» не полностью совпадает с их. Мои проекты не только отличаются, но могут даже противоречить их проектам. В то же время я знаю, что живу с ними в общем мире. Но важнее всего то, что я знаю, что существует постоянное соответствие между моими значениями и их значениями в этом мире, что у нас есть общее понимание этой реальности. Естественная установка именно поэтому и является установкой повседневного сознания, что связана с миром, общим для многих людей. Повседневное знание – это знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни.

⁴² Intersubъективность – общность опыта познающих субъектов, являющаяся условием для взаимопонимания (пример: мы все знаем, что продукты можно купить в магазине; или все люди, находящиеся в одной комнате, видят одно и то же окно).

ФРАГМЕНТ 2

С. 47

По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии. Это становится понятнее на уже приводившихся примерах реальности сновидений или теоретического мышления. Аналогичны «переключения» с мира повседневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры – театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель «возвращается к реальности», вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений.

Все конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с

С. 48

реальности повседневной жизни. Хотя, конечно, переключения внимания случаются и в рамках повседневной жизни, но переключение внимания на конечную область значений – гораздо глубже и основательнее. Происходит радикальное изменение напряженности сознания. В контексте религиозного опыта его называли просто «скачком». Впрочем, нужно подчеркнуть, что реальность повседневной жизни сохраняет свой верховный статус даже

и в случае таких «скачков». Если не что-то иное, то язык убеждает нас в этом. Обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений. Поэтому обычно я «искажаю» реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации, т.е. я «перевожу» неповседневный опыт в высшую реальность повседневной жизни. Это хорошо видно на примере сновидений, а также характерно для тех, кто пытается описать теоретический, эстетический и религиозный миры значений. Физик-теоретик говорит нам, что его концепция пространства невыразима на разговорном языке, так же, как артист говорит то же самое о смысле его произведений, а мистик – о встрече с божественным. Однако все они – сновидец, физик, артист и мистик – живут также и в реальности повседневной жизни. Одной из важнейших проблем для них оказывается то, как интерпретировать сосуществование этой реальности с другими, вкрапленными в нее реальностями.

ФРАГМЕНТ 3

С. 52

Реальность повседневной жизни я разделяю с другими людьми. Но как эти другие воспринимаются в повседневной жизни? Опять-таки можно различать несколько способов такого восприятия. Наиболее важно восприятие других людей в ситуации лицом-к-лицу, которая представляет собой прототип социального взаимодействия. Все другие случаи – отклонения от нее.

В ситуации лицом-к-лицу другой предстает передо мной в живом настоящем, которое мы оба переживаем. Я знаю, что в таком же живом настоящем я предстаю перед ним. Мое и его «здесь-и-сейчас» постоянно сталкиваются друг с другом, пока длится ситуация лицом-к-лицу. В результате происходит постоянный взаимообмен моей и его экспрессивности. Я вижу его улыбку, потом, реагируя на мой хмурый вид, он перестает улыбаться, потом улыбается снова, видя мою улыбку, и т.д. Каждое мое выражение направлено

на него и наоборот; и эта непрерывная взаимность актов самовыражения одновременно доступна нам обоим. Это означает, что в ситуации лицом-к-лицу я могу «схватить» множество признаков субъективности другого. Конечно, некоторые из них я могу интерпретировать неправильно. Я могу думать, что другой улыбается, хотя на самом деле он ухмыляется. Тем не менее никакая другая форма социальной взаимосвязи не может с такой полнотой воспроизвести свойства субъективности, как ситуация лицом-к-лицу. Только здесь субъективность другого является

С. 53.

эмпатически «близкой». Все прочие формы связи с другими людьми в той или иной степени являются «отдаленными».

В ситуации лицом-к-лицу другой совершенно реален. Эта реальность является частью всей реальности повседневной жизни и в качестве таковой – массивной, тяжелой и принудительной. Конечно, другой может быть реальным для меня и без встречи с ним лицом-к-лицу, скажем, благодаря его репутации или переписке с ним. Однако в наиболее глубоком смысле слова он становится реальным для меня, только когда я встречаюсь с ним лицом-к-лицу. Можно даже сказать, что в ситуации лицом-к-лицу другой гораздо более реален для меня, чем я сам. Конечно, «я знаю себя лучше», чем могу знать его. Моя субъективность доступна мне так, как никогда не будет доступна его, независимо от того, насколько близки наши взаимоотношения. Мое прошлое в моей памяти, и хотя я не смогу восстановить его во всей полноте, все равно это больше, чем другой может сказать о нем. Но это «лучшее знание» самого себя требует рефлексии. Оно не дано мне непосредственно, тогда как другой именно так дан мне в ситуации лицом-к-лицу. Поэтому он мне доступен таким, «каков он есть». Это понимание непрерывно и дорефлексивно. С другой стороны, то, «каков я есть», не столь понятно. Чтобы понять себя, я должен приостановить непрерывную спонтанность переживания и сознательно обратить внимание на самого себя. Кроме того, такая рефлексия

относительно себя самого обычно бывает вызвана тем или иным отношением ко мне другого человека. Обычно она

С. 54

является «зеркальной» реакцией на отношение ко мне другого. Из этого следует, что отношения с другими в ситуации лицом-к-лицу весьма подвижны.

Довольно трудно установить жесткие образцы для взаимодействия в ситуации лицом-к-лицу. Каковы бы ни были образцы, они будут все время меняться благодаря необычайно разнообразному и едва уловимому взаимобмену субъективными значениями. Например, мне может показаться, что другой недружелюбен ко мне, и тогда я буду вести себя по отношению к нему, не выходя за рамки по-своему понимаемого образца «недружелюбных отношений». Однако в ситуации лицом-к-лицу я могу столкнуться с установками и действиями другого, настолько противоречащими этому образцу, что мне придется отказаться от него как неуместного и считать его дружелюбным. Иными словами, образец не может вместить всего многообразия свойств субъективности другого, доступного моему пониманию в ситуации лицом-к-лицу. Мне же, напротив, гораздо проще не принимать в расчет это многообразие свойств до встречи с другим лицом-к-лицу. Даже в случае такого довольно «близкого» взаимоотношения, как переписка, я вполне могу не принимать в расчет уверений другого в дружбе, как не отражающих его настоящего отношения ко мне, просто потому, что в переписке мне недостает его непосредственной, непрерывной и необычайно реальной экспрессивности. Конечно, вполне возможно, что даже в ситуации лицом-к-лицу я неправильно интерпретирую значения другого человека, а он «лицемерно» скрывает свои. В то же время неправильно интерпретировать и

С. 55

«лицемерить» гораздо труднее во взаимодействии лицом-к-лицу, чем в менее «близких» формах социальных связей.

ФРАГМЕНТ 4

С. 55

... даже в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они и более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем «отдаленные» формы взаимодействия. Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни. (Можно оставить на потом рассмотрение случаев взаимодействия между совершенно посторонними людьми, не имеющими общей основы в повседневной жизни.) Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу. Так, я воспринимаю другого как «мужчину», «европейца», «покупателя», «живой тип» и т.д. Все эти типизации непрерывно влияют на мое взаимодействие с ним, пока я решаю, например, показать, как можно хорошо провести время, прежде чем продать ему мой товар. Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными из-за вмешательства с его стороны. Так, например, может оказаться, что, хотя он «мужчина», «европеец», «покупатель», он также ханжа и моралист, а то, что поначалу казалось живостью, в действительности – выражение презрения к американцам вообще и американским торговцам в частности. Конечно, здесь моя схема

С. 56

типизации должна видоизмениться, а вместе с ней и планы на вечер. Однако до тех пор, пока не брошен вызов и нет свидетельств об обратном,

типизации будут сохраняться и будут определять мои действия в данной ситуации. Схемы типизации, выступающие в качестве составных элементов ситуации лицом-к-лицу, конечно, взаимны. Другой тоже воспринимает меня в определенной типичности – как «мужчину», «американца», «торговца», «своего парня» и т.д. Типизации другого подвергаются вмешательству с моей стороны так же, как мои – вмешательству с его стороны. Другими словами, две схемы типизации вступают в непрерывные переговоры в ситуации лицом-к-лицу. В повседневной жизни такие «переговоры», вероятно, должны быть упорядочены в определенной типичности как процесс типичной сделки между покупателями и продавцами.

Так что, в течение большей части времени мои встречи с другими в повседневной жизни типичны в двойном смысле – я воспринимаю другого как тип и взаимодействую с ним в ситуации, которая сама по себе типична. Чем дальше типизации социального взаимодействия удалены от ситуации лицом-к-лицу, тем более они анонимны. Конечно, каждая типизация содержит в себе зародыш анонимности. Если я типизирую моего друга Генри как представителя категории X (скажем, как англичанина), я тем самым интерпретирую по крайней мере некоторые аспекты его поведения, являющиеся результатом этой типизации. Например, его вкусы в еде типичны для англичанина, так же, как его манеры, некоторые

С. 57

эмоциональные реакции и т.д. Предполагается, что эти характеристики и действия моего друга Генри будут такими же, как у *любого* из категории англичан, т.е. я воспринимаю эти аспекты его бытия в анонимных терминах. Тем не менее, пока мой друг Генри воспринимается мной во всей полноте своих проявлений в ситуации лицом-к-лицу, он постоянно прорывается сквозь мой тип анонимного англичанина и проявляет себя как уникальный и потому нетипичный индивид, т.е. как мой друг Генри. Очевидно, что анонимность типа менее подвержена такого рода индивидуализации, когда

ситуация лицом-к-лицу – дело прошлого (мой друг Генри – *англичанин*, которого я знал, когда учился в колледже); или когда она поверхностна и мимолетна (англичанин, с которым у меня была краткая беседа в поезде): или если ее никогда не было (мои деловые конкуренты в Англии).

Важным аспектом восприятия других в повседневной жизни является непосредственность или опосредованность такого переживания. В любой данный момент времени можно говорить о партнерах, с которыми я взаимодействую в ситуации лицом-к-лицу и о тех, кто является лишь современниками, о которых у меня могут быть более или менее глубокие воспоминания или о ком я знаю лишь понаслышке. В ситуации лицом-к-лицу у меня есть непосредственная данность моего партнера, его действий, атрибутов и т.д. Иначе – в случае с современниками, о них у меня есть лишь более или менее достоверное знание. Более того, я должен принимать в расчет своих партнеров по взаимодействию в ситуации лицом-к-лицу,

С. 58

тогда как всего лишь о современниках я могу, но не обязан думать. Анонимность возрастает по мере того, как я удаляюсь от партнера к современнику, так как анонимность типизаций, посредством которых я «схватываю» партнеров в ситуациях лицом-к-лицу, постоянно «обогащается» множеством признаков конкретного человека.

Это, конечно, еще не все. Своих современников я воспринимаю совершенно по-разному. Некоторых я вновь и вновь воспринимаю в ситуациях лицом-к-лицу и надеюсь встречаться с ними регулярно (мой друг Генри). О других я вспоминаю как о конкретных людях на основе прошлых встреч (блондинка, которую я встречал на улице), бывших, однако, мимолетными, и которые, скорее всего, больше не повторятся. Других я знаю как конкретных людей, но воспринимаю их лишь посредством более или менее анонимных пересекающихся типизаций (мои британские конкуренты, королева Англии). Последних можно разделить на вероятных партнеров по ситуациям лицом-к-

лицу (мои британские конкуренты) и потенциальных, но вряд ли вероятных партнеров (королева Англии).

Однако степень анонимности, характеризующая наше восприятие других людей в повседневной жизни, зависит и от другого фактора. Я вижу продавца газет на углу улицы так же регулярно, как свою жену. Но он менее важен для меня, и с ним я не в близких отношениях. Он может оставаться относительно анонимным для меня. В зависимости от степени интереса и степени интимности анонимность восприятия может

С. 59

уменьшаться или увеличиваться. Они могут оказывать на нее взаимное влияние. Я могу быть в довольно близких отношениях с рядом своих партнеров по теннисному клубу и в весьма формальных отношениях со своим боссом. Однако первые, хотя и совершенно не анонимные, могут стать просто «светской компанией», тогда как последний остается уникальной личностью. Далее, анонимность может стать почти полной в случае определенных типизаций без намерения их индивидуализировать, как, например, «типичный читатель лондонской «Таймс»». И, наконец, «границы» типизации – а тем самым и ее анонимности – можно расширить, говоря о «британском общественном мнении». Итак, социальную реальность повседневной жизни можно понять в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере их удаления от «здесь-и-сейчас» ситуации лицом-к-лицу. На одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях лицом-к-лицу. Это, так сказать, «мой круг». На другом полюсе – крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не могут стать доступными взаимодействию лицом-к-лицу. Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной

жизни. Следует отметить здесь еще один момент, хотя мы и не сможем осветить его полностью. Мои отношения с другими не сводятся к отношениям

С. 60

лишь с партнерами и с современниками. Я вступаю также и в отношения с предшественниками и преемниками, теми другими, которые жили раньше и которые будут жить после меня в общей истории моего общества. Кроме моих бывших партнеров (мой умерший друг Генри), я связан и с моими предшественниками посредством крайне анонимных типизаций – «мои прародители эмигранты» или «отцы-основатели». По понятным причинам мои преемники типизируются еще более анонимно – «мои внуки» или «будущие поколения». Эти типизации, в сущности, пустые абстракции, совершенно лишенные индивидуального содержания, тогда как типизации предшественников, по крайней мере в некоторой степени, имеют такое содержание, хотя и довольно мифического характера. Как бы то ни было, анонимность обеих систем типизации не мешает тому, что они становятся элементами реальности повседневной жизни, иногда довольно важными. В конце концов, я могу пожертвовать жизнью из верности отцам-основателям или ради будущих поколений.

ФРАГМЕНТ 5

С. 60

Человеческая экспрессивность объективируется, т.е. проявляет себя в продуктах человеческой деятельности, доступных как ее создателям, так и другим людям в качестве элементов общего всем мира. Такие объективации служат более или менее устойчивыми показателями

С. 61

субъективных процессов, присущих их создателям, и позволяют вывести эти процессы за пределы ситуации лицом-к-лицу, в которых их можно было непосредственно наблюдать.

Например, субъективная установка на гнев непосредственно выражается в ситуации лицом-к-лицу с помощью разнообразных телесных знаков – выражения лица, всего положения тела, особых движений рук, ног и т.д. Эти знаки можно наблюдать в ситуации лицом-к-лицу, которая именно потому и представляется мне оптимальной ситуацией для получения доступа к субъективности другого человека. Но те же знаки нельзя сохранить за пределами живого настоящего ситуации лицом-к-лицу. Однако гнев можно объективировать посредством оружия. Скажем, у меня была ссора с человеком, который дал мне достаточно выразительное доказательство своего гнева по отношению ко мне. Ночью я был разбужен ножом, вонзившимся в стену над моей кроватью. Нож как объект выражает гнев моего врага. Он открывает мне доступ к его субъективности, хотя я и спал, когда он бросал нож, и я никогда не видел его, так как он скрылся сразу после своего броска. Если бы я оставил нож на своем месте, то на следующее утро я снова смог бы увидеть его, и он снова выражал бы гнев человека, который его бросил. Кроме того, кто-то еще мог бы прийти посмотреть на него и сделать такой же вывод. Другими словами, нож в моей стене стал объективно существующим элементом реальности, которую я разделяю с моим врагом и с другими людьми. Вероятно, этот нож не был сделан исключительно для того, чтобы бросить

С. 62

его в меня. Но он выражает субъективную интенцию к насилию, независимо от того, каков был мотив: гнев или практическое размышление типа убийства ради добычи пищи. Оружие как объект реального мира выражает общее намерение совершить насилие, которое признается любым, кто знает,

что это за оружие. Тогда оружие оказывается как продуктом человеческой деятельности, так и объективацией человеческой субъективности.

Реальность повседневной жизни не просто полна объективаций, она и возможна лишь благодаря им. Я постоянно окружен объектами, которые обозначают субъективные намерения моих партнеров, хотя у меня иногда и возникают трудности в связи с правильным пониманием того, что определенный объект «обозначает», особенно если он был создан людьми, которых я не знал достаточно хорошо или вообще не знал в ситуациях лицом-к-лицу. Любой этнолог или археолог охотно подтвердит наличие этих трудностей, но сам факт, что их можно преодолеть и по артефакту реконструировать субъективные намерения людей, которые жили в давно исчезнувших обществах, – красноречивое доказательство огромной силы человеческих объективаций.

ФРАГМЕНТ 6

С. 62

Особый и очень важный случай объективации представляет собой процесс обозначения (сигнификация), т. е. создание человеком знаков. Знак отличается от других объективаций своей явной интенцией быть показателем субъективных значений. Конечно, все объективации используются как знаки, даже если первоначально они были созданы без такого намерения. Например, оружие

С. 63

могло быть поначалу создано для того чтобы убивать зверей, но впоследствии, скажем, в обряде, оно становится обозначением агрессивности и насилия вообще. Есть, однако, определенные объективации, которым с самого начала было недвусмысленно предназначено быть знаками. Например, вместо того чтобы бросать в меня нож (акт, в ходе которого предполагалось меня убить, но это мог быть и акт, с помощью которого предполагалось лишь показать такую возможность), мой противник мог бы поставить черный

крест на моей двери в знак того, что мы теперь официально находимся в состоянии вражды. Такой знак, не имеющий иной цели, кроме обозначения субъективного смысла, вкладываемого в него тем, кто его поставил, становится субъективно доступным другим людям, с которыми мы разделяем нашу общую реальность. Как я, так и другие люди признают смысл, который он подразумевает и который представляется его создателю объективным «напоминанием» его первоначального намерения. Из вышесказанного становится ясно, что инструментальное и сигнификативное использование таких объективаций тесно переплетены. Особый случай представляет собой магия, где происходит слияние этих двух моментов, но сейчас нас это не интересует.

ФРАГМЕНТ 7

С. 63

Знаки группируются в системы. Так, существуют системы жестовых знаков, стандартных телесных движений, различных систем материальных артефактов и т.д. Знаки и знаковые системы являются объективациями в том смысле, что они объективно доступны другим людям за пределами проявления субъективных интенций

С. 64

«здесь-и-сейчас». Для знаков характерна «отдаленность» от непосредственных проявлений субъективности и опосредованное присутствие субъекта. Так, исполнение танца, выражающего агрессивное намерение, резко отличается от того, как человек в приступе гнева сжимает кулаки или дерется со злобным выражением лица. Последние действия выражают мою субъективность здесь-и-сейчас, первые могут быть абсолютно отделены от этой субъективности. Я вообще могу быть совсем не злым и не агрессивным, но исполнять свою партию в танце лишь потому, что мне заплатили, чтобы я сделал это вместо того, кто действительно зол.

Другими словами, если танец может быть отделен от субъективности танцора, то злость не может быть отделена от того, кто злится. И танец, и злоба суть проявления телесной экспрессивности, но лишь первый имеет характер объективно доступного знака. Все знаки и знаковые системы характеризуются «отделенностью», но различаются по степени, в которой они отделены от ситуаций лицом-к-лицу. Так, очевидно, что танец менее отделен, чем материальный артефакт, выражающий то же самое субъективное значение.

ФРАГМЕНТ 8

С. 64

Язык, который можно определить как систему словесных знаков, представляет собой наиболее важную знаковую систему человеческого общества. Конечно, в основе языка лежит присущая человеческому организму способность к словесным выражениям, но о языке начинают говорить лишь в том случае, когда возможно отделение словесных выражений от непосредственного

С. 65

здесь-и-сейчас субъективных структур. Это еще не язык, когда я рычу, хрюкаю, завываю, шиплю, хотя эти звуковые выражения могут стать лингвистическими, поскольку они интегрированы в объективно доступную знаковую систему. Общие объективации повседневной жизни поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений. Кроме того, повседневная жизнь – это жизнь, которую я разделяю с другими посредством языка. Понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни. Язык возникает в ситуации лицом-к-лицу, но может быть и удален от нее. И не только потому, что я могу громко кричать в темноте или на расстоянии, говорить по телефону, по радио или передавать лингвистические обозначения при помощи письма (последнее представляет собой знаковую систему второго порядка). Корни отделенности языка – в способности передавать сообщения, которые непосредственно не выражают субъективности

«здесь-и-сейчас». Эта способность свойственна не только языку, но и другим знаковым системам, однако сложность и огромное разнообразие языка делают его гораздо более, чем другие системы, отделенным от ситуации лицом-к-лицу (например, система жестов). Я могу говорить о бесчисленных материях, которые никогда не были даны мне в ситуации лицом-к-лицу, включая и те, которые я никогда не переживал и не буду переживать непосредственно. Так что язык может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно

С. 66

сохранить во времени и передать последующим поколениям.

ФРАГМЕНТ 9

С. 66

В ситуации лицом-к-лицу язык обладает присущим ему качеством взаимности, отличающим его от других знаковых систем. Непрерывное создание словесных знаков в беседе может сопровождаться непрерывными субъективными намерениями говорящих. Я говорю как думаю; так же делает и мой партнер по беседе. Каждый из нас слушает, что говорит другой в тот же самый момент, что делает возможным непрерывное и одновременное взаимное «схватывание» наших субъективностей, интерсубъективную близость в ситуации лицом-к-лицу, которую не может воспроизвести никакая другая знаковая система. Я слышу себя, когда говорю, мои собственные субъективные «значения становятся объективно и постоянно доступными мне и, *ipso facto*, более реальными для меня. Здесь следует вспомнить, что говорилось раньше, о том, что другой в ситуации лицом-к-лицу имеет «лучшее знание» обо мне, чем я сам. Этот несомненно парадоксальный факт мы объясняли раньше непрерывным, целостным, дорефлексивным «схватыванием» бытия другого в ситуации лицом-к-лицу, тогда как для «схватывания» себя самого требуется рефлексия. Однако теперь, когда я посредством языка

объективирую свое собственное бытие, я схватываю его глубоко и непрерывно в тот же самый момент, что и другой, и могу спонтанно реагировать на него, «не прерывая» размеренной рефлексии. Поэтому можно сказать, что язык делает мою субъективность «более реальной» не только для моего партнера по беседе, но и для меня самого.

С. 67

Эта способность языка делать понятной и стабильной для меня мою собственную субъективность сохраняется (хотя и в видоизмененном виде) по мере того, как язык отделяется от ситуации лицом-к-лицу. Очень важная характеристика языка схвачена в выражении, что люди должны говорить о себе до тех пор, пока они себя как следует не узнают.

Язык возникает в повседневной жизни и тесно связан с ней. Кроме того, он соотносится с реальностью, которую я воспринимаю бодрствующим сознанием и которой управляет прагматический мотив (то есть совокупность значений, имеющих непосредственное отношение к настоящим и будущим действиям), которую я разделяю с другими людьми как нечто само собой разумеющееся. Хотя язык может использоваться и по отношению к другим реальностям, но даже и тогда он сохраняет свои корни в реальности повседневной жизни. Как знаковая система язык имеет качество объективности. Я сталкиваюсь с языком как с внешней для меня фактичностью, и он оказывает на меня свое принудительное влияние. Язык подчиняет меня своим структурам. Я не могу пользоваться правилами немецкого синтаксиса, когда говорю по-английски; я не могу пользоваться словами, придуманными моим трехлетним сыном, если мне нужно общаться с кем-то за пределами моей семьи; в разных случаях я должен учитывать преобладающие стандарты правильной речи, даже если предпочитаю свои собственные «неправильные». Язык предоставляет мне готовую возможность непрерывной объективации моего возрастающего опыта. Иначе говоря,

С. 68

язык раздвигает свои рамки так гибко, что позволяет мне объективировать огромное множество переживаний на протяжении всей моей жизни. Язык также типизирует мои переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей. В той мере, в какой язык типизирует опыт, он делает его анонимным, так как опыт, подвергшийся типизации, в принципе может быть воспроизведен любым, кто попадает в рассматриваемую категорию. Например, у меня ссора с тещей. Этот конкретный и субъективно уникальный опыт лингвистически типизируется в категорию «неприятности с тещей». Эта типизация приобретает смысл для меня, для других и, вероятно, для моей тещи. Но эта же самая типизация является анонимной. Не только я, но *любой* (точнее, любой из категории «зять») может иметь «неприятности с тещей». Так что мой биографический опыт теперь классифицирован согласно правилам организации значений и является объективно и субъективно реальным.

Благодаря своей способности выходить за пределы «здесь-и-сейчас» язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое. Выходы за пределы (трансценденции) имеют пространственное, временное и социальное измерения. Благодаря языку я могу преодолеть разрыв между моей зоной манипуляции и зоной манипуляции другого; я могу привести в соответствие мою и его биографические временные последовательности; и я могу беседовать с ним о людях и

С. 69

группах, с которыми у нас не было взаимодействия лицом-к-лицу. В результате этих трансценденции язык может «создать эффект присутствия» множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном отношении отсутствуют «здесь-и-сейчас». *Ipso facto* множество накопленных значений и переживаний объективируются «здесь-и-сейчас». Проще

говоря, с помощью языка весь мир может актуализироваться в любой момент. Эта трансцендирующая и интегрирующая сила языка сохраняется, когда я не беседую с другим актуально. Благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю «с самим собой» в уединенном размышлении, в любой момент весь мир может предстать передо мной. Что касается социальных отношений, язык «делает наличными» для меня не только отсутствующих в данный момент людей, но и тех, кто относится к моим воспоминаниям и реконструируемому прошлому, а также людей будущего, представляемых мной в воображении. Конечно, «наличие» их всех может иметь большое значение для текущей реальности повседневной жизни.

Более того, язык вообще может выходить за пределы реальности повседневной жизни. Он может иметь отношение к переживаниям в конечных областях значений и соединять оторванные друг от друга сферы реальности. Например, можно интерпретировать «значение» сна, лингвистически интегрируя его в рамки порядка повседневной жизни. Такая интеграция перемещает отвлеченную реальность сна в реальность повседневной жизни, которая становится анклавом в

С. 70

рамках последней. Теперь сновидение приобретает значение скорее в понятиях реальности повседневной жизни, чем в понятиях его собственной отвлеченной реальности. Анклавы, возникающие в результате такого перемещения, принадлежат обеим сферам реальности. Они «размещены» в одной, но «имеют отношение» к другой.

Таким образом, предмет-обозначение, который соединяет различные сферы реальности, можно определить как символ, а лингвистический способ, с помощью которого происходят такие перемещения, можно назвать символическим языком. На символическом уровне лингвистическое обозначение достигает максимального отделения от «здесь-и-сейчас» повседневной жизни, и язык воспаряет в такие выси, которые не только *de facto*, но и *a priori*

недоступны повседневному восприятию. Теперь язык конструирует грандиозные системы символических представлений, которые возвышаются над реальностью повседневной жизни подобно явлениям из иного мира. Религия, философия, искусство, наука – наиболее важные системы такого рода. Назвать их – значит уже сказать, что, несмотря на их максимальную оторванность от повседневного опыта, конструирование этих систем требует, чтобы они представляли огромную важность для реальности повседневной жизни. Язык может не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни. Так что символизм и символический язык становятся существенными элементами реальности повседневной жизни и

С. 71

обыденного понимания этой реальности. Каждый день я живу в мире знаков и символов.

ФРАГМЕНТ 10

С. 71

Язык формирует лингвистически обозначенные семантические поля и смысловые зоны. Словарь, грамматика и синтаксис способствуют организации этих семантических полей. Таким образом, язык формирует схемы классификации для различения объектов посредством «рода» (материи, совершенно отличной от пола) и числа; формирует высказывания действия и высказывания существования; показывает степень социальной близости и т.д. Например, в языках, в которых различают формальное и интимное обращение посредством местоимений (таких, как *tu* и *vous* во французском, или *du* и *Sie* в немецком), последние обозначают координаты семантического поля, которое можно назвать зоной интимности. Здесь находится мир братства (*Tutoiement*, *Bruderschaft*) с большим количеством значений, постоянно доступных мне для упорядочения моего социального опыта. Такое

семантическое поле есть, конечно, и у говорящих по-английски, хотя и более ограниченное лингвистически. Или возьмем другой пример. Сумма лингвистических объективаций, соответствующих моей профессии, представляет другое семантическое поле, которое значимо упорядочивает все обыденные события, происходящие в моей повседневной работе. В рамках созданных семантических полей можно объективировать, сохранять и накапливать биографический и исторический опыт. Конечно, накопление является выборочным, в зависимости от семантических полей, определяющих, что должно быть сохранено, а что «забыто» из

С. 72

всего опыта индивида или общества. В результате такого накопления составляется социальный запас знания, передающийся от поколения к поколению, доступный индивиду в повседневной жизни. Я живу в обыденном мире повседневной жизни, имея специфические системы знания. Кроме того, я знаю, что другие разделяют по крайней мере часть этого знания, и они знают, что я это знаю. Поэтому на мое взаимодействие с другими в повседневной жизни постоянно оказывает влияние наша общая причастность к доступному нам социальному запасу знания.

ФРАГМЕНТ 11

С. 72

Социальный запас знания включает знание моей ситуации и ее пределов. Например, я знаю, что я беден и не надеюсь жить в фешенебельном пригороде. Конечно, это знание разделяется как теми, кто сам беден, так и теми, кто находится в более привилегированном положении. Причастность к социальному запасу знания, таким образом, способствует «размещению» индивидов в обществе и соответствующему обращению с ними. Это невозможно для того, кто непричастен к этому знанию, например, для иностранца, который может вообще не считать меня бедным, так как критерии бедности в его

обществе – совершенно иные. Как я могу быть бедным, если у меня есть ботинки и я не выгляжу голодным?

Так как в повседневной жизни преобладает прагматический мотив, важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов, то есть знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах. Например, я каждый день пользуюсь телефоном в своих особых практических целях. Я знаю, как это делать.

С. 73

Я также знаю, что делать, если мой телефон сломается, – это не значит, что я знаю, как его починить, но я знаю, кого позвать на помощь. Мое знание, связанное с телефоном, включает также информированность о системе телефонной коммуникации, например, я знаю, что некоторые люди имеют номера телефонов, не включенные в телефонную книгу, что в определенных обстоятельствах я могу одновременно говорить с двумя абонентами, находящимися на большом расстоянии от меня, что я должен помнить о разнице во времени, если хочу дозвониться в Гонконг и т.д. Все это – знание рецептов, так как оно не касается ничего другого, кроме того, что я должен знать для достижения моих нынешних и вероятных будущих практических целей. Меня не интересует, *почему* телефон работает именно так и какова система научного и инженерного знания, делающая возможным конструирование телефонов. Меня не интересует использование телефона, выходящее за пределы моих целей, скажем, комбинирование его с коротковолновым радио для сообщения с судами. Точно так же у меня есть знание рецептов, связанное с человеческими взаимоотношениями. Например, я знаю, что я должен делать для оформления паспорта. Но все, что меня интересует, – это получение паспорта по истечении определенного времени. Меня не волнует и я не знаю, какой путь проходит мое заявление при оформлении паспорта в административных службах, кем и после чего дается согласие, кто ставит печать в документе.

Я не изучаю правительственную бюрократию – я лишь хочу провести каникулы за границей. Интерес

С. 74

к неизвестной мне процедуре оформления паспорта может возникнуть в том случае, если по истечении определенного срока мой паспорт не будет готов. Тогда я обращусь (как в случае поломки телефона – к телефонному мастеру, чтобы он его починил) к эксперту по оформлению паспорта, скажем, к юристу, конгрессмену или правам человека в США.

Mutatis mutandis, значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем. Обычно я мало заинтересован в том, чтобы выходить за рамки этого практически необходимого знания, посредством которого можно решать мои проблемы.

Социальный запас знания дифференцирует реальность по степени знакомства. Он дает сложную и подробную информацию о тех секторах повседневной жизни, с которыми я часто имею дело, и гораздо более общую и неточную – об удаленных секторах. Так, мое знание собственной профессии и ее мира – очень специальное, глубокое и полное, тогда как о профессиональных мирах других людей я имею довольно поверхностное знание. Социальный запас знания предоставляет в мое распоряжение схемы типизации, необходимые для большинства обыденных дел повседневной жизни – не только типизаций других людей, которые обсуждались раньше, но и типизаций любого рода событий и опыта, как социальных, так и природных. Так, я живу в мире родных, знакомых, коллег по работе и функционеров. Следовательно, в этом мире у меня бывают семейные, профессиональные встречи, столкновения со службой дорожного

С. 75

движения и т.д. Природный фон этих событий также типизируется в рамках запаса знания. Мой мир организован в терминах обычного вопроса о

погоде, о сенной лихорадке и т.д. «Я знаю, что делать» по отношению ко всем этим другим людям и ко всем этим другим событиям в рамках моей повседневной жизни.

Будучи данным мне как единое целое, социальный запас знания предоставляет мне тем самым и средства интеграции разрозненных элементов моего собственного знания. Другими словами, «то, что знает каждый» имеет свою логику, и ее можно использовать для упорядочения разных вещей, которые я знаю. Например, я знаю, что мой друг Генри – англичанин, и я знаю, что он всегда очень пунктуален при встречах. Так как «каждый знает», что пунктуальность – английская черта, я могу соединить теперь эти два элемента моего знания о Генри в типизацию, являющуюся значимой в понятиях социального запаса знания. Достоверность моего знания повседневной жизни считается мной и другими людьми само собой разумеющейся, пока нет свидетельств об обратном, то есть до тех пор, пока не возникает проблема, которую нельзя решить на основе моего знания. До тех пор, пока мое знание действует безотказно, я отбрасываю всякие сомнения по его поводу. В определенных отношениях, отдаленных от повседневной реальности, – в шутке, в театре, в церкви, в философском размышлении и т.д. – у меня могут возникать сомнения по поводу отдельных его элементов. Но эти сомнения «не следует воспринимать всерьез». Например,

С. 76

как бизнесмен я знаю, что не следует ни с кем считаться. Я могу смеяться над шуткой, в которой обыгрывается несостоятельность этого принципа; я могу быть взволнован священником или актером, превозносящим добродетели доброты и внимания по отношению к другому. И в философском расположении духа я могу согласиться с тем, что во всех социальных отношениях следует руководствоваться золотым правилом. Смеясь, будучи взволнован и философствуя, я возвращаюсь к «серьезному» миру бизнеса, признавая логику его принципов и действуя в соответствии с ними. Только

когда эти принципы не оправдывают надежд в мире, где они применимы, они становятся для меня проблематичными «не на шутку».

Хотя социальный запас знания представляет повседневный мир как интегрированный, отдельные части которого различают в соответствии с зонами, являющимися знакомыми и удаленными, в целом этот мир остается непрозрачным. Иначе говоря, реальность повседневной жизни всегда оказывается хорошо понятной зоной, за пределами которой – темный фон. Если некоторые реальности освещены довольно хорошо, то другие затемнены. Я не могу знать все что следует об этой реальности. Даже если, например, я кажусь всемогущим деспотом в семье, я не знаю всех факторов, способствующих такому моему образу. Я знаю, что мои распоряжения всегда выполняются, но все шаги и мотивы этого исполнения совершенно недоступны моему пониманию. Всегда есть вещи, остающиеся «вне поля моего зрения». *A fortiori*: это имеет отношение и к

С. 77

более сложным, чем семейные, социальным взаимосвязям и объясняет, между прочим, почему деспоты – обычно нервные люди. Мое знание повседневной жизни напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую полосу света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, а со всех сторон дороги обступает темнота. Этот образ даже в большей степени относится к множественным реальностям, куда постоянно перемещается реальность повседневной жизни. Последнее утверждение можно перефразировать (если не исчерпывающе, то поэтически), сказав, что повседневная жизнь покрыта полумраком наших снов.

ФРАГМЕНТ 12

С. 77

Мое знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантностей. Некоторые из них определяются моими непосредственными

практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Мне неважно, каким образом моя жена готовит мой любимый гуляш, если он получается хорошо. Меня не интересует то, что акции общества падают, если я не владею этими акциями; что католики модернизируют свое учение, если я атеист; что можно лететь без пересадки в Африку, если я туда не собираюсь. Однако, поскольку во многом мои релевантные структуры пересекаются с релевантными структурами других, есть вещи, «интересующие» нас взаимно, и нам есть, что сказать друг другу. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей. Так, я «знаю лучше», чем мой врач, свои проблемы, связанные с помещением капитала, лучше, чем мой адвокат, я знаю свои язвенные боли; лучше, чем

С. 78

мой бухгалтер, свои поиски религиозной истины. Основные релевантные структуры, относящиеся к повседневной жизни, даны мне уже готовыми в самом социальном запасе знания. Я знаю, что «женская болтовня» неуместна для меня как для мужчины, «праздные размышления» неуместны для меня как для человека действия и т.д. В конечном счете, социальный запас знания как целое имеет свою собственную релевантную структуру. Так, в терминах запаса знания, объективированного в американском обществе, было бы неуместно изучать движение звезд, чтобы предсказать положение дел на фондовой бирже, однако вполне уместно понаблюдать за обмолвками в разговоре, чтобы узнать о сексуальной жизни того или иного индивида и т.д. Напротив, в других обществах астрология может быть вполне уместной для знания экономики, а речевой анализ – совершенно неуместен для удовлетворения любопытства в области эротики и т.д.

ФРАГМЕНТ 13

С. 78

И наконец, следует сказать о социальном распределении знания. Я обнаруживаю, что знание в повседневной жизни социально распределено, то есть разные индивиды и типы индивидов обладают им в различной степени. Я не разделяю свое знание в равной степени со всеми партнерами, и у меня может быть такое знание, которое я не разделяю ни с кем. Я разделяю свои профессиональные знания с моими коллегами, но не с семьей, и я могу ни с кем не разделять моего умения мошенничать в картах. Социальное распределение знания может быть весьма сложным и даже привести в замешательство человека со стороны. У меня не только нет знания, необходимого для

С. 79

лечения моих физических заболеваний, но даже и знания того, почему многие врачи требуют привлечения к ответственности по поводу моей болезни. В таком случае мне нужен совет не просто эксперта, но более важный совет эксперта экспертов. Таким образом, социальное распределение знания начинается с того простого факта, что я не знаю всего, что знают мои партнеры, и наоборот; это достигает кульминации в необычайно сложных и эзотерических системах знаний. Знание того, как распределяется социально доступный запас знания (по крайней мере в общих чертах), представляет собой важный элемент этого самого запаса знания. В повседневной жизни я знаю (хотя бы приблизительно), что и от кого я могу скрыть, от кого я могу получить информацию, которой не располагаю, и вообще какого рода знаний можно ожидать от разных людей.

ФРАГМЕНТ 14

С. 89

Всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации (т.е. опривычиванию). Любое

С. 90

действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием. Это касается деятельности как в социальной сфере, так и вне ее. Даже изолированный индивид на вошедшем в поговорку пустынном острове делает свою деятельность привычной. Когда он просыпается утром и возобновляет свои попытки построить каноэ из спичек, он может бормотать себе под нос «Попробую-ка я снова» по мере того как он приступает к процедуре, состоящей, скажем, из десяти шагов, и делает первый шаг. Другими словами, даже одинокий человек находится в компании тех действий, которые он должен совершить.

Конечно, действия, ставшие привычными, сохраняют для индивида свой многозначительный характер, хотя значения, которые они содержат, включаются в качестве рутинных в общий запас знания, считающийся само собой разумеющимся и наличным для его планов в будущем¹⁷. Важным психологическим последствием хабитуализации оказывается уменьшение различных выборов. Хотя в теории могут существовать сотни способов проектирования строительства каноэ из спичек, в процессе хабитуализации они сводятся к одному. Это освобождает индивида от бремени «всех этих решений», принося психологическое облегчение, основанием которого является ненаправленная инстинктуальная структура человека. Хабитуализация

С. 91

предусматривает направление и специализацию деятельности, которых недостает биологическому аппарату человека, ослабляя тем самым аккумуляцию напряжений как следствия ненаправленных влечений¹⁸. И, предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с

минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хаби́туализация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо. Другими словами, задний план опривыченной деятельности предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации.

В терминах значений, которые человек придает своей деятельности, благодаря хаби́туализации становится необязательно определять каждую ситуацию заново, шаг за шагом. Огромное разнообразие ситуаций может быть отнесено к разряду тех определений, которые были даны раньше. И тогда можно предвидеть действия, которые нужно совершить в этих ситуациях. Даже альтернативным вариантам поведения можно придать стандартные значения.

Эти процессы хаби́туализации, предшествующие любой институционализации, могут быть применены и к гипотетическому уединенному индивиду, удаленному от какого-либо социального взаимодействия. Тот факт, что даже такой уединенный индивид, предположительно сформировавшийся как Я (что следовало бы предположить и в нашем случае со строителем каноэ из спичек), будет делать свою деятельность привычной в соответствии со своим биографическим опытом в мире социальных институтов,

С. 92

предшествовавшим его изоляции, в данный момент нас не интересует.

ФРАГМЕНТ 15

С. 92

На практике наиболее важная часть хаби́туализации человеческой деятельности сопряжена с процессом институционализации. И тогда встает вопрос, как же возникают институты. Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь

следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизации и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия. Институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X. Например, правовой институт устанавливает правило, согласно которому головы будут рубить особым способом в особых обстоятельствах и делать это будут определенные типы людей (скажем, палачи, представители нечистой касты, девственницы определенного возраста или те, кто назначен жрецами).

ФРАГМЕНТ 16

С. 92

Далее, институты предполагают историчность и контроль. Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории. Они не могут быть созданы моментально. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан. Кроме того, институты уже благодаря самому факту их существования

С. 93

контролируют человеческое поведение, устанавливая predetermined образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений. Важно подчеркнуть, что этот контролирующий характер присущ институционализации как таковой, независимо от и еще до того, как созданы какие-либо механизмы санкций, поддерживающих институт. Эти механизмы (совокупность которых составляет то, что обычно называют системой социального контроля), конечно же, существуют во многих институтах и во всех агломерациях институтов, которые мы называем

обществами. Однако эффективность их контроля – вторичного, дополнительного рода. Как мы увидим позднее, первичный социальный контроль задан существованием института как такового. Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализирована, – уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю. Дополнительные механизмы контроля требуются лишь в том случае, если процессы институционализации не вполне успешны. Так, например, законом может быть предусмотрено рубить головы тем, кто нарушает инцестуозные табу. Эта мера может быть необходимой, так как имелись случаи нарушения табу. Однако маловероятно, что эта санкция будет сохраняться постоянно (видимо, лишь до тех пор, пока институт инцестуозных табу не исчезнет в процессе его дезинтеграции, особый случай чего нет нужды освещать здесь). Поэтому нет смысла говорить, что человеческая сексуальность контролируется обществом посредством отсечения головы

С. 94

определенным индивидам; скорее это происходит посредством ее институционализации в ходе конкретного исторического развития. Можно добавить, конечно, что инцестуозное табу само по себе есть не что иное, как негативная сторона совокупности типизации, в первую очередь определяющих, какое сексуальное поведение инцестуозно, а какое – нет. В действительности, институты, как правило, появляются в довольно многочисленных общностях. Однако важно подчеркнуть, что в теории процесс институционализации взаимной типизации будет иметь место даже в том случае, если только два индивида начинают взаимодействие заново. Зачатки институционализации появляются в каждой социальной ситуации, продолжающейся какое-то время.

ФРАГМЕНТ 17

С. 101

Важно иметь в виду, что объективность институционального мира – сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду – созданная человеком, сконструированная объективность. Процесс, посредством которого экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности, называется объективацией. Институциональный мир – как и любой

С. 102

отдельный институт – это объективированная человеческая деятельность. Иначе говоря, несмотря на то что социальный мир отмечен объективностью в человеческом восприятии, тем самым он не приобретает онтологический статус, независимый от человеческой деятельности, в процессе которой он и создается. К парадоксу, состоящему в том, что человек создает мир, который затем воспринимается как нечто совсем иное, чем человеческий продукт, мы обратимся чуть позже. Сейчас важно подчеркнуть, что взаимосвязь между человеком – создателем и социальным миром – его продуктом является диалектической и будет оставаться таковой. То есть человек (конечно, не в изоляции, но в своей общности) и его социальный мир взаимодействуют друг с другом. Продукт оказывает обратное воздействие на производителя. Экстернализация и объективация – два момента непрерывного диалектического процесса. Третьим моментом этого процесса является интернализация (посредством которой объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации), которая будет детально обсуждаться позднее. Однако уже можно видеть фундаментальную взаимосвязь трех диалектических моментов социальной реальности. Каждый из них соответствует существенной характеристике социального мира. *Общество – человеческий продукт. Общество – объективная реальность. Человек – социальный продукт.* Уже должно быть ясно, что анализ социального мира,

который исключает хотя бы один из этих трех моментов, будет неполным и искажающим. Можно также добавить, что лишь с передачей

С. 103

социального мира новому поколению (т.е. с интернализацией его в процессе социализации) фундаментальная социальная диалектика приобретает завершенность. Повторим еще раз, что лишь с появлением нового поколения можно говорить о собственно социальном мире.

В то же время институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его «объяснения» и оправдания. И не потому, что он кажется менее реальным. Как мы уже видели, реальность социального мира приобретает свою массивность в процессе передачи ее новым поколениям. Однако эта реальность является исторической и наследуется новым поколением скорее как традиция, чем как индивидуальная память. В нашем парадигмическом примере с *A* и *B* первые творцы социального мира всегда в состоянии реконструировать обстоятельства, в которых создавался весь мир и любая его часть. То есть они могут вернуться к исходному значению института благодаря своей памяти. Дети *A* и *B* оказываются в совершенно иной ситуации. Знание истории института передается им через «вторые руки». Первоначальный смысл институтов недоступен их пониманию в терминах памяти. Поэтому теперь необходимо истолковать им этот смысл в различных формулах легитимации. Они должны быть последовательными и исчерпывающими в терминах институционального порядка, чтобы стать убедительными для нового поколения. Так сказать, ту же самую историю следует рассказать всем детям. Отсюда следует, что расширяющийся институциональный порядок создает соответствующую завесу легитимации, простирающую над

С. 104

ним свое защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций. Эти легитимации заучиваются новым поколением в ходе того же

самого процесса, который социализирует их в институциональный порядок. Более детальным анализом этого процесса мы займемся чуть позже.

В связи с историзацией и объективацией институтов становится необходимой и разработка специальных механизмов социального контроля. Отклонение от институционально «запрограммированного» образа действий оказывается вероятным, как только институты становятся реальностями, оторванными от первоначальных конкретных социальных процессов, в контексте которых они возникают. Проще говоря, более вероятно, что отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими, чем от тех, которые он сам для себя устанавливает. Перед новым поколением встает проблема выполнения существующих правил, и для его включения в институциональный порядок в ходе социализации требуется введение санкций. Институты должны утверждать свою власть над индивидом (что они и делают) независимо от тех субъективных значений, которые он может придавать каждой конкретной ситуации. Должен постоянно сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново. Детей следует «научить вести себя», и, однажды научившись, они должны «придерживаться этой линии поведения». То же самое, конечно, касается и взрослых. Чем более поведение институционализировано, тем более предсказуемым, а значит, и

С. 105

контролируемым оно становится. Если социализация была успешной, то откровенно принудительные меры применяются выборочно и осторожно. Большую часть времени поведение будет «спонтанным» в рамках институционально установленных каналов. Чем более само собой разумеющимся является поведение на уровне значений, тем меньше возможных альтернатив остается институциональным «программам» и тем более предсказуемым и контролируемым будет поведение.

ФРАГМЕНТ 18

С. 113

Лишь небольшая часть человеческого опыта сохраняется в сознании. И тот опыт, который сохраняется в нем, становится осажденным (седиментированным), то есть застывшим в памяти в качестве незабываемой и признанной сущности. До тех пор, пока не произошло такой седиментации, индивид не может придать смысл своей биографии. Интерсубъективная седиментация также происходит в том случае, когда несколько индивидов объединяет общая биография, а их опыт соединяется в общий запас знания. Интерсубъективную седиментацию поистине можно назвать социальной, лишь когда она объективирована в знаковой системе того или иного рода, то есть когда возникает возможность повторных объективаций общего опыта. Вероятно, лишь тогда этот опыт можно передавать от одного поколения другому, от одной общности – другой. Теоретически общая деятельность, не выраженная в знаковой системе, может быть основой для передачи другим поколениям. Практически это невероятно. Объективно доступная знаковая система придает статус зарождающейся анонимности осажденному опыту благодаря отделению его от первоначального контекста индивидуальных биографий, делая их общедоступными для всех, кто владеет или может овладеть в будущем рассматриваемой знаковой системой. Таким образом, этот опыт становится готовым к передаче другим поколениям.

В принципе любая знаковая система годится для этого. Конечно, обычно главной знаковой системой является лингвистическая. Язык

С. 114

объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех, кто относится к данной лингвистической общности, становясь, таким образом, и основой, и инструментом коллективного запаса знания. Более того, язык предусматривает средства объективации нового опыта, позволяя включать его в уже существующий запас знания, и представляет собой одно

из наиболее важных средств, с помощью которого объективированные и ове­щественные седиментации передаются в традиции данной общности.

Например, лишь у некоторых членов сообщества охотников есть та­кого рода опыт, когда, потеряв свое оружие, они вынуждены идти на дикого зверя с голыми руками. Каковы бы ни были их навыки, мужество и ковар­ство, пережитый испуг надолго останется в сознании индивидов, прошедших через это. Если такой опыт есть у нескольких индивидов, то он становится интерсубъективным, и между ними может даже возникнуть глубокая связь. Однако по мере того, как этот опыт приобретает обозначение и передается в лингвистической форме, он становится релевантным и для тех индивидов, у которых никогда не было такого рода опыта. Благодаря лингвистическому обозначению (которое, как можно догадаться, в сообществе охотников должно быть точным и подробным, например, «охотник-одиночка, одной рукой убива­ющий носорогов-самцов», и «охотник-одиночка, двумя руками убивающий но­сорогов-самок» и т.п.) опыт индивида в конкретных обстоятельствах абстраги­руется от последних и становится объективно возможным для каждого или по крайней мере для каждого

С. 115

в рамках определенного типа (скажем, для посвященных охотников); то есть он становится в принципе анонимным, хотя все еще может ассоции­роваться с подвигами определенных индивидов. Даже для тех, кому в своей жизни не суждено иметь подобного рода опыт (например, для женщин, кото­рым запрещено охотиться), он может быть по-своему релевантным (напри­мер, при выборе будущего мужа); в любом случае он становится частью об­щего запаса знания. Тогда объективация опыта в языке (то есть его трансфор­мация в общедоступный объект знания) позволяет включить его в более ши­рокую систему традиции благодаря моральным наставлениям, вдохновенной поэзии, религиозной аллегории и тому подобному. И, значит, опыт, как в уз­ком, так и в широком значении, может быть передан каждому последующему

поколению и даже совершенно другим общностям (скажем, сельскохозяйственному сообществу, в котором этому занятию может придаваться совершенно иное значение).

Язык становится сокровищницей огромной массы коллективных седиментаций, которыми можно овладеть монотетически, то есть в качестве целостной совокупности и без реконструкции первоначального процесса их формирования. Так как фактический источник седиментаций становится не столь важным, традиция может заменить его совершенно иным, не угрожая тем самым тому, что было объективировано. Иначе говоря, легитимации могут следовать одна за другой, время от времени придавая новые значения седиментированному опыту данной общности. Прошлую историю общества можно реинтерпре-

С. 116

тировать, не обязательно разрушая институциональный порядок. Так, в указанном выше примере действия «охотника-одиночки» могут быть легитимированы как подвиг божества, а каждое их повторение – как имитация действий мифологического прототипа.

Этот процесс лежит в основе всех объективированных седиментаций, а не только институционализированных действий. Например, он может иметь отношение к передаче типизации других людей, непосредственно не связанных с определенными институтами. Например, другие типизируются как «высокие» или «невысокие», «толстые» или «тонкие», «блестящего ума» или «тупицы» вне связи с определенными институциональными значениями. Конечно, этот процесс происходит и при передаче седиментированных значений, соответствующих имевшей место ранее специализации институтов. Передача смысла института основана на социальном признании этого института в качестве «перманентного» решения «перманентной» проблемы данной общности. Поэтому потенциальные деятели, совершающие институционализированные действия, должны *систематически* знакомиться с этими

значениями, для чего необходима та или иная форма образовательного процесса. Институциональные значения должны быть сильно и незабываемо запечатлены в сознании индивида. Поскольку человеческие существа зачастую ленивы и забывчивы, должны существовать процедуры – если необходимо, принудительные и вообще малоприятные, – с помощью которых эти значения могут быть снова запечатлены в сознании и запомнены.

С. 117

Но так как человеческие существа зачастую еще и глупы, то в процессе передачи институциональные значения упрощаются настолько, чтобы набор институциональных формул можно было легко выучить и запомнить последующим поколениям. «Стереотипный» характер институциональных значений гарантирует их запоминаемость. На уровне осажденных значений происходит тот же процесс рутинизации и тривиализации, о котором мы уже говорили при обсуждении институционализации. Наглядную иллюстрацию этого представляет собой стилизованная форма, в которой героические черты становятся частью традиции.

ФРАГМЕНТ 19

С. 119

Как мы уже видели, истоки любого институционального порядка находятся в типизации совершаемых действий, как наших собственных, так и других людей. Это означает, что одного индивида объединяют с другими определенные цели и совпадающие этапы их достижения; более того, не только определенные действия, но и формы действия типизируются. То есть отдельный деятель должен осознавать не только совершаемое им действие типа X, но и тип действия X, совершавшегося любым деятелем, кому могла бы соответствовать данная релевантная структура. Например, индивид может осознавать, что муж его сестры занят поркой его собственного нахального отпрыска, и понимать, что это определенное действие – лишь частный

случай формы действия, соответствующего другим парам дядя-племянник, и вообще образец, существующий в матрилокальном обществе. Только в случае преобладания последней типизации этот инцидент станет само собой разумеющимся в данном обществе, отец будет осторожно устранен со сцены, чтобы не мешать легитимации авункуларного авторитета.

Для типизации форм действия нужно, чтобы они имели объективный смысл, для чего в свою очередь необходима лингвистическая объективация. То есть нужен словарный запас, имеющий отношение к этим формам действия (таким, как «порка племянника», и это действие будет отнесено к более крупным лингвистическим структурам родства с его правами и обязанностями). Тогда действие и его смысл в принципе можно было бы

С. 120

принять независимо от его индивидуальных исполнений и связанных с ними различных субъективных процессов. И Я, и другой могли бы быть поняты как исполнители объективных, общеизвестных действий, периодически повторяющихся *любым* деятелем соответствующего типа.

Это имеет очень важные последствия для самовосприятия. В ходе действия происходит отождествление Я с объективным смыслом действия; совершающееся действие определяет самопонимание деятеля в данный момент и определяет его в объективном смысле, социально предписанном действию. Хотя маргинальное осознание своего тела и других аспектов Я, непосредственно не вовлеченных в действие, по сути дела, не прекращается в данный момент, деятель воспринимает себя, отождествляя с социально объективированным действием («Сейчас я порю своего племянника» – само собой разумеющийся эпизод в рутине повседневной жизни). После того как действие завершено, возникает еще одно важное следствие – деятель размышляет о своем действии. Теперь *часть* Я объективирована в *качестве* того, кто совершил это действие, а целостное Я опять становится относительно не отождествленным с совершенным действием. То есть теперь оказывается

возможным понять Я как бывшее вовлеченным в действие лишь отчасти (в конце концов, мужчина из нашего примера представляет собой не только того, кто порет племянника). Нетрудно заметить, что, по мере того как накапливаются подобные объективации («порщик племянника», «сестра милосердия», «посвященный воин» и т.д.), весь спектр самосознания структури-

С. 121

руется в терминах этих объективаций. Другими словами, часть Я объективирована в терминах социальных типизации, существующих в данном обществе. Эта часть – воистину «социальное Я» – субъективно воспринимается как отличающееся от целостного Я и даже противостоящее ему. Этот важный феномен, который делает возможным внутреннюю «беседу» между различными частями Я, будет рассматриваться чуть дальше, когда мы обратимся к процессу, с помощью которого социально сконструированный мир интернализируется в индивидуальном сознании. Сейчас нас интересует взаимосвязь этого феномена с объективно существующими типизациями поведения.

В общем, деятель идентифицирует себя с социально объективированными типизациями поведения *in actu*, но дистанцируется от них по мере размышления о своем поведении. Эта дистанция между деятелем и его действием может сохраняться в сознании и проецироваться на повторение действия в будущем. Так что и я сам, и другие, совершая действия, воспринимаются не как уникальные индивиды, а как типы. По определению, эти типы взаимозаменяемы.

Собственно, о ролях можно начать говорить, когда такого рода типизация встречается в контексте объективированного запаса знания, общего для данной совокупности деятелей. Роли – это типы деятелей в таком контексте. Легко можно заметить, что конструирование ролевых типологий – необходимый коррелят институционализации поведения. С помощью ролей институты воплощаются в индивидуальном опыте. Лингвисти-

С. 122

чески объективированные роли – существенный) элемент объективно доступного мира любого общества. Играя роли, индивиды становятся участниками социального мира. Интернализируя эти роли, они делают этот мир субъективно реальным для себя.

В общем запасе знания существуют стандарты ролевого исполнения, которые доступны всем членам общества или по крайней мере тем, кто является потенциальным исполнителем рассматриваемых ролей. Сама эта общедоступность – часть того же запаса знания; общеизвестны не только стандарты роли X, но известно, что эти j стандарты известны. Следовательно, каждый предполагаемый деятель в роли X может считаться ответственным за следование стандартам, которым он может быть обучен в контексте институциональной традиции и которые используются для подтверждения полномочий всех исполнителей и служат к тому же в качестве рычагов контроля.

Роли берут свое происхождение в том же самом фундаментальном процессе хабиитуализации и объективации, что и институты. Роли появляются наряду с процессом формирования общего запаса знания, включающего взаимные типизации поведения, процессом, который, как мы видели, присущ социальному взаимодействию и предшествует собственно институционализации. Вопрос о том, в какой степени роли становятся институционализированными, равнозначен вопросу, в какой степени те или иные сферы поведения находятся под влиянием институционализации, и на него можно дать один и тот же ответ. Всякое ин-

С. 123

ституционализированное поведение включает роли. Следовательно, ролям присущ контролирующий характер институционализации. Как только деятели типизированы в качестве исполнителей ролей, их поведение ipso facto подвергается принуждению. Согласие и несогласие с социально

определенными ролевыми стандартами перестают быть необязательными, хотя суровость санкций, конечно, различна в том или ином случае.

Роли *представляют* институциональный порядок на двух уровнях. Во-первых, исполнение роли представляет самое себя. Например, участвовать в процессе вынесения приговора – значит представлять роль судьи. Индивид, выносящий приговор, действует не «по своей воле», но как судья. Во-вторых, роль представляет институциональную обусловленность поведения. Роль судьи связана с другими ролями, вся совокупность которых составляет институт права. Судья действует как представитель этого института. Лишь будучи «представленным в исполняемых ролях, институт может проявить себя в актуальном опыте. Институт со всей совокупностью «запрограммированных» действий подобен ненаписанному либретто драмы. Постановка драмы зависит от вновь и вновь повторяющегося исполнения живыми деятелями предписанных им ролей. Деятели воплощают роли и актуализируют драму, представляя ее на данной сцене. Ни драма, ни институт в действительности не существуют без этой повторяющейся постановки. Тогда сказать, что роли представляют институты, значит сказать, что роли дают институтам возможность постоянно существовать, реально присутствуя в опыте живых индивидов.

С. 124

Институты представлены и другим образом. Их лингвистические объективации – от самых простых вербальных названий до весьма сложных символических обозначений реальности – также представляют их (то есть делают их присутствующими) в опыте. Они могут быть представлены и физическими объектами – как естественными, так и искусственными. Однако все эти репрезентации «мертвы» (то есть лишены субъективной реальности) до тех пор, пока они не будут «вызваны к жизни» в актуальном человеческом поведении. Репрезентация института в ролях и посредством ролей есть, таким образом, репрезентация *par excellence*, от которой зависят все другие

репрезентации. Например, институт права представлен, конечно же, и правовым языком, правовыми законами, юридическими теориями и, наконец, предельными легитимациями института и его норм в этической, религиозной или мифологической системах мышления. Такие, созданные человеком, феномены, как внушающие страх рычаги правосудия, зачастую сопровождающие правовое регулирование, и такие природные феномены, как удары грома, которые могут быть приняты за божественный приговор в испытании «божьем судом» и даже могут стать символом высшей справедливости, также представляют институт. Но значимость и даже умопостигаемость всех этих репрезентаций коренится в том, что они используются в человеческом поведении, которое оказывается поведением, типизированным в институциональных правовых ролях.

Когда люди начинают размышлять обо всех этих вопросах, они сталкиваются с проблемой

C. 125

взаимосвязи различных репрезентаций в связное целое, которое имело бы смысл. Любое конкретное исполнение роли связано с объективным смыслом института, а значит, и с другими дополнительными исполнениями роли и со смыслом института как целого. Хотя проблема интеграции различных репрезентаций решается прежде всего на уровне легитимации, она может рассматриваться и в терминах определенных ролей. *Все* роли представляют институциональный порядок в указанном выше значении. Однако *некоторые* роли лучше, чем другие, символически представляют этот порядок во всей его целостности. Такие роли имеют огромное стратегическое значение в обществе, так как представляют не только тот или иной институт, но интеграцию всех институтов в осмысленный мир. *Ipso facto* эти роли помогают, конечно, поддержанию такой интеграции в сознании и поведении членов общества, то есть они особым образом связаны с аппаратом легитимации данного общества. У некоторых ролей нет никаких *иных* функций, кроме этой

символической репрезентации институционального порядка в качестве интегрированного целого, другие выполняют эту функцию время от времени, наряду с обычными для них менее возвышенными функциями. Например, судья в каком-то, особо важном случае может представлять все общество в целом. Монарх поступает так всегда, и в условиях конституционной монархии он, в сущности, может не иметь никаких иных функций, кроме того, чтобы быть «живым символом» институционального порядка для всех уровней общества, вплоть до самого рядового человека. Ис-

С. 126

торически так сложилось, что роли, символически представляющие институциональный порядок во всей его целостности, обычно оказывались в ведении политического и религиозного институтов.

Для наших непосредственных целей важнее характер ролей, опосредующих особые сектора общего запаса знания. Благодаря ролям, которые он играет, индивид оказывается посвященным в особые сферы социально объективированного знания не только в узком когнитивном значении, но и в смысле «знания» норм, ценностей и даже эмоций. Чтобы быть судьей, надо обладать знанием права, а также знанием в самых различных областях человеческой жизни, связанных с правом. Оно включает также «знание» ценностей и установок, которые считаются присущими судье, а также, согласно пословице, и жене судьи. Судья должен также обладать соответствующим «знанием» в эмоциональной сфере: например, он должен будет знать, когда сдерживать свои чувства сострадания, помня о немаловажных психологических предпосылках этой роли. Таким образом, каждая роль открывает доступ к определенному сектору всего запаса знания, имеющегося в обществе. Чтобы усвоить роль, недостаточно овладеть рутинными действиями, обязательными для ее «внешнего» исполнения. Нужно быть посвященным в различные когнитивные и даже аффективные уровни системы знания, прямо или косвенно соответствующей данной роли.

Это предполагает социальное распределение знания. Запас знания общества организован таким образом, что часть его является релевантной

С. 127

для всех, а часть – лишь для определенных ролей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТА К ЗАДАНИЮ № 6

Ясперс К. Истоки истории и ее цель (фрагменты)

(Фрагменты взяты из книги: Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.)

ФРАГМЕНТ 1

Ось мировой истории... может быть обнаружена только эмпирически... Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть... Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому... к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем.

В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исая, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Всё то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Новое, возникшее в эту эпоху в трёх упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения.

Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира.

Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт. Испытывались самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняла их взаимобусловленность, – все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом.

В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности. <...>

ФРАГМЕНТ 2

Этот процесс заставил многих пересмотреть, поставить под вопрос, подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия. <...>

Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии.

<...> В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс

свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания.

ФРАГМЕНТ 3

Все эти изменения в человеческом бытии можно назвать одухотворением: твердые изначальные устои жизни начинают колебаться, покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей. Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал и что никто не возвещал. Неслыханное становится очевидным. Вместе с ощущением мира и самого себя человек начинает ощущать и бытие, но не полностью: этот вопрос остается.

Впервые появились философы. Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего учения. Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой. <...>

В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью.

ФРАГМЕНТ 4

Новому духовному миру соответствует определенное социальное устройство, аналогичные черты которого мы обнаруживаем во всех трех рассматриваемых здесь областях. В этот период существовало множество мелких государств и городов, шла борьба всех против всех, и при этом оказалось возможным поразительное процветание, рост могущества и богатства. В

Китае при слабых правителях династии Чжоу маленькие государства и города жили своей суверенной жизнью, процесс политического развития вел к увеличению одних мелких государств за счет других мелких государств, подчинившихся им. В Элладе и на Ближнем Востоке мелкие государства жили своей независимой от какого-либо центра жизнью, даже те, которые находились под властью Персии. В Индии существовало множество государств и самостоятельных городов.

Постоянное общение способствовало интенсивному духовному движению в каждом из трех миров. Китайские философы (Конфуций, Мо-цзы и другие) странствовали, чтобы встретиться друг с другом в знаменитых, благотворных для духовной жизни центрах (они основывали школы, которые синологи называют академиями) совершенно так же, как странствовали софисты и философы Эллады и как всю свою жизнь странствовал Будда.

ФРАГМЕНТ 5

Прежде духовное состояние людей было сравнительно неизменным, в нем, несмотря на катастрофы, будучи ограниченным по своему горизонту, все повторялось в незаметном и очень медленном духовном течении, которое не осознавалось и поэтому не познавалось. Теперь же, напротив, напряжение растет и становится основой бурного, стремительного движения.

И это движение осознается – человеческое существование в качестве истории становится теперь предметом размышлений. Люди ощущают, знают, что в их время, в настоящем, начинается нечто исключительное. А это, в свою очередь, ведет к осознанию того, что данному настоящему предшествовало бесконечное прошлое. Уже на ранней стадии такого пробуждения собственно человеческого духа человек преисполнен воспоминаний; у него создается впечатление, что он живет на поздней стадии развития, более того, в период упадка.

Люди ощущают близость катастрофы, стремятся помочь пониманием, воспитанием, введением реформ. Планируя, они пытаются овладеть ходом

событий, восстановить необходимые условия или создать новые. <...> Создаются теории, которые должны определить, как наилучшим образом устроить совместную жизнь людей, управлять и править ими. Реформаторские идеи подчиняют себе деятельность людей. Философы переходят из государства в государство, выступают как советники и учителя, их презирают и вместе с тем ищут, они полемизируют и соревнуются друг с другом.

ФРАГМЕНТ 6

Эпоха, в которой все это происходило на протяжении веков, не была периодом простого поступательного развития. Это было время уничтожения и созидания одновременно. И завершения достигнуто не было. Высшие возможности мышления и практики, получившие свое осуществление в отдельных личностях, не стали общим достоянием, ибо большинство людей не могло следовать по этому пути. То, что вначале было в этом движении свободой, стало в конечном итоге анархией. И когда эта эпоха лишилась творческого начала, в трех областях культуры было произведено фиксирование концептуальных воззрений и их нивелирование. Из беспорядка, ставшего невыносимым, возникло тяготение к новому единению в деле воссоздания прочных условий жизни.

Завершение носит прежде всего политический характер. Почти одновременно в ходе завоевания насильственно создаются большие могущественные империи – в Китае (Цинь Ши-Хуанди), в Индии (династия Маурья), на Западе (эллинистические государства и *imperium Romanum*⁴³). Повсюду, возникая из руин, складывался прежде всего технически и организационно планомерный порядок.

Однако повсюду сохранилось воспоминание о духе предшествующей эпохи. Он стал образцом и объектом почитания. Его творения и великие люди стояли у всех перед глазами и определяли содержание обучения и

⁴³ Римская империя (лат.).

воспитания (династия Хань конструировала конфуцианство, Ашока – буддизм, эпоха Августа – эллинистическо-римскую образованность). <...>

ФРАГМЕНТ 7

Осевое время знаменует собой исчезновение великих, культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть – независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы. Все то, что существовало до осевого времени, пусть оно даже было величественным, подобно вавилонской, египетской, индийской или китайской культуре, воспринимается как нечто дремлющее, непробудившееся. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое время, восприняты новым началом. По сравнению с ясной человеческой сущностью осевого времени предшествующие ему древние культуры как бы скрыты под некоей своеобразной пеленой, будто человек того времени еще не достиг подлинного самосознания. Этого не меняет ряд таких поразительных по своей глубине, но не оказавших серьезного влияния свидетельств, которые мы обнаруживаем в Египте («Разговор утомленного жизнью со своей душой»), в вавилонских покаянных псалмах и в эпосе о Гильгамеше. Монументальность в религии, в религиозном искусстве и в соответствующих им огромных авторитарных государственных образованиях была для людей осевого периода предметом благоговения и восхищения, подчас даже образцом (например, для Конфуция, Платона), но таким образом, что смысл этих образцов в новом восприятии совершенно менялся.

ФРАГМЕНТ 8

Так, идея империи, которая к концу осевого времени вновь обретает силу и в политическом отношении завершает этот период, заимствована у великих культур древности. Однако если первоначально эта идея была творческим принципом культуры, то теперь она становится принципом

консервации и стабилизации гибнущей культуры. Создается впечатление, будто принцип, который некогда служил импульсом развития, принцип, фактически деспотичный, теперь вновь утверждается, но уже в качестве осознанно деспотического, и, замораживая общество, ведет к окостенению и застылости.

Тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспламеняются идеями той эпохи. С тех пор принято считать, что воспоминание и возрождение возможностей осевого времени – Ренессанс – ведет к духовному подъему. Возврат к этому началу – постоянно повторяющееся явление в Китае, Индии и на Западе.

ФРАГМЕНТ 9

Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков. Люди вне трех сфер, составляющих осевое время, либо остались в стороне, либо вошли в соприкосновение с каким-либо из этих трех центров духовного излучения. В последнем случае они вошли в историю. Так, в орбиту осевого времени были втянуты на Западе германские и славянские народы, на Востоке – японцы, малайцы и сиамцы. Для многих пребывавших на уровне природного существования народов такого рода соприкосновение означало вымирание. Все жившие после осевого времени люди остались на уровне первобытных народов либо приняли участие в новом движении – единственном, имевшем основополагающее значение. Первобытные народы в период, когда уже существует история, являют собой пережиток доистории, сфера которой все время сокращается вплоть до того момента, когда она – и это происходит только теперь – полностью исчезает. <...>